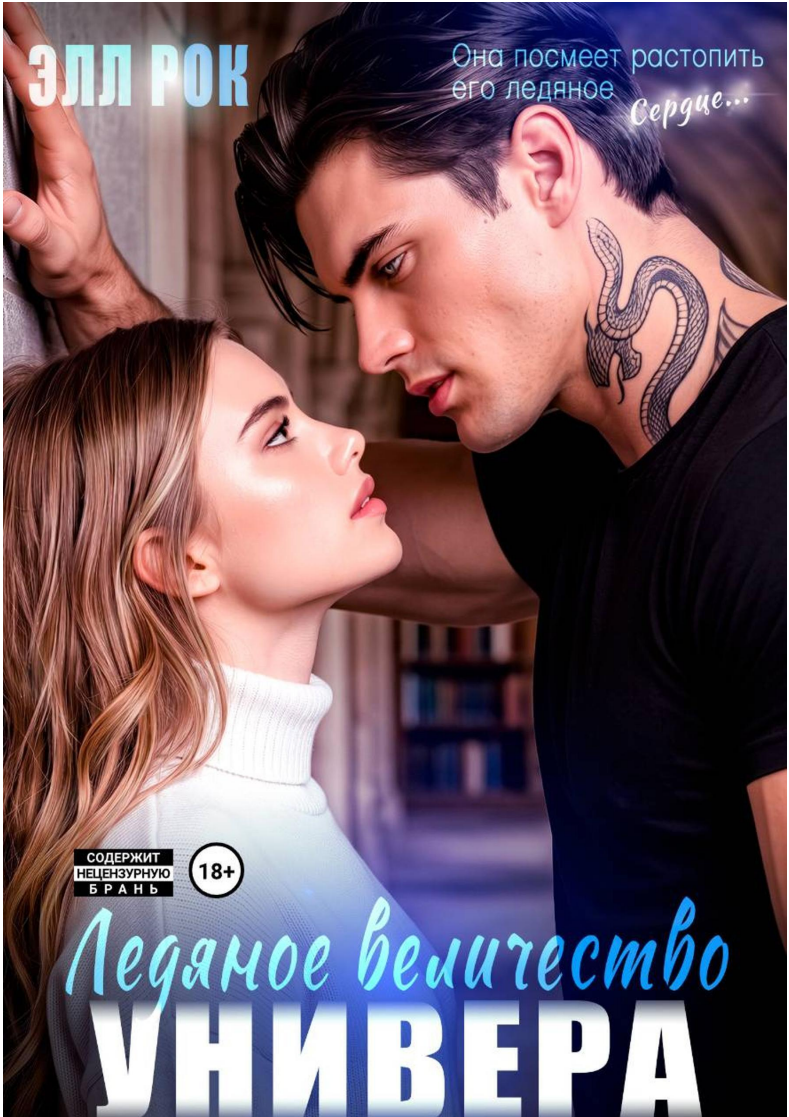

ЭЛЛ РОК
Она посмеет растопить его ледяное сердце...
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
Ледяное величество
УНИВЕРА

Элл Рок

Ледяное Величество универа

https://litres.ru/74731353
SelfPub; 2026

Аннотация

— Обычно, — его голос звучит низко, лениво, бренчит где-то на моих нервах, — когда кто-то вроде тебя путается под ногами, у него хватает ума хотя бы извиниться.

Я цепенею.

— Или портить чужие вещи – это такой отчаянный способ привлечь к себе внимание? — Кай чуть склоняет голову набок. — Разочарую. Если ты думала, что грязная футболка заставит меня тебя заметить, то ты ошиблась. Это только жалко. И смешно.

Внутри что-то надламывается.

— Внимание?

Я делаю резкое движение, вырывая руку из его захвата.

— Ты правда думаешь, что я сделала это специально? Я тебя даже не знаю. Вижу в первый раз. Но я понимаю, ты привык думать, будто мир вертится вокруг тебя одного. Жаль разочаровывать, но это не так. Если бы я могла выбрать, куда падать, я бы выбрала пол, а не тебя.

Величество сея университета ошибся, ведь всё-таки заметил меня. И запомнил.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4.	39
Глава 5	51
Глава 6	63
Глава 7	71
Глава 8	87
Глава 9	99
Глава 10	106
Глава 11	115
Глава 12	124
Глава 13	134
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Элл Рок
Ледяное
Величество универа

Глава 1

Глухой хлопок тяжелой двери аудитории отрезает меня от монотонного бубнежа лектора. Выдыхаю. Первая пара позади.

Студенты вываливаются в коридор шумной толпой, тут же сбиваясь в стайки. Кто-то громко смеётся, кто-то уже договаривается о планах на вечер. А я просто отступаю к стене, закидывая лямку рюкзака на плечо, чтобы меня не снесли.

В моём родном городе Вика сейчас, наверное, пьет свой любимый кофе и знакомится с одногруппниками. Она всегда в этом плане была более лёгкой. Я же…

Здесь, в столице, всё какое-то… слишком масштабное. Слишком быстрое и чужое. Огромные панорамные окна, глянцевые полы, бренды, которые до этого я видела только в интернете. Первые дни, пока я бегала с документами, я просто путалась в лабиринтах этих коридоров.

Но ничего. Это временно. Привыкну, втянусь в ритм. Тем более я мечтала попасть именно в этот университет. Бюджет-

ное место на экономическом само себя не удержит, а вылететь в первый же семестр, если быстро не освоюсь, — для меня непозволительная роскошь.

Спрятав озябшие руки в карманы кардигана, я вливаюсь в поток, текущий в сторону столовой.

Беру на раздаче маленький кофе, гречневую кашу и пирожок с капустой, после чего лавирую между рядами в поисках свободного места, по пути рассматривая остальных студентов.

Все такие разные, такие… общительные. Появляется ощущение, будто я одна здесь такая – нелюдимая, забитая заучка, для которой ничего, кроме учёбы, не существует. А ведь это совсем не так. Но вот знакомиться я никогда не умела первая. Успокаивает, что это лишь первый учебный день, и дальше наверняка будет лучше.

Нахожу отличный пустой столик у самого окна. Падаю на стул, достаю свой старенький ноут и погружаюсь в изучение научной статьи одного из моих преподавателей.

Когда я делаю третий глоток крепкого кофе, на стол ложится резкая тень.

— Ты оглохла или просто бессмертная?

Голос манерный, с нарочитой ленцой. Поднимаю глаза. Она уже что-то говорила мне? Не слышала.

Платиновый блонд, идеальная укладка, губы. Да, те самые губы, которые очень напоминают антистресс. Сумка, небрежно зажатая в наманикюренных пальцах. Позади неё

маячат две такие же модели-девушки. Глупо отрицать, что выглядят они сногсшибательно.

— Что, прости? — спокойно переспрашиваю я, сжимая крепче стаканчик с кофе. И хоть я минутами ранее хотела с кем-то познакомиться, эта девушка явно не намерена со мной дружить. Напротив. Не ощутить презрение в свой адрес просто невозможно.

Блондинка картинно закатывает глаза, всем своим видом показывая, как её утомляет общение с подобными мне, простыми смертными.

— Это *мой*стол. *Моё* место у окна. Девочка, ты вообще предполагаешь, кто перед тобой? Собирай свой хлам и свали в туман, пока я не сделала твой первый день здесь последним.

Внутри вспыхивает глухое раздражение. Я не выспалась, дико устала, и мне совершенно не хочется тратить перерыв на разборки с местной элитой.

— Правила университета не предусматривают забронированных мест в зоне общепита, — ровным тоном произношу я, выпрямляя плечи. Язык фактов – единственное, что у меня есть. — Если тебе так принципиален вид из окна, можешь сесть напротив. Но я никуда не уйду.

Её подруги за спиной возмущенно ахают. Глаза блондинки сужаются, превращаясь в две злые щелочки. Кажется, она совсем не привыкла слышать что-то подобное в свой адрес. Хотя ничего обидного я не сказала. Её оскорбило то, что я

в принципе посмела ей ответить. И мне на какой-то миг даже хочется рассмеяться, до того вся эта ситуация смахивает на сцену из пресловутого фильма о подростках, где королева самоутверждается за счёт «подданных».

Она открывает рот, явно собираясь выдать что-то унизительное, но вдруг замирает.

Акустика в столовой резко меняется. Гул голосов не просто стихает, он как будто сворачивается.

Лицо блондинки мгновенно трансформируется. Вся стервозность слетает, губы растягиваются в приторно-сладкой улыбке, а взгляд устремляется куда-то поверх моей головы, ко входу.

Я невольно поворачиваюсь туда же. Интересно, что могло так резко переключить внимание этой девушки. Или кто…

В зал заходят трое парней.

И, честно говоря, я сразу понимаю, почему наступила такая тишина. Эта сцена тоже похожа на ту, где плёнку фильма словно зажевывает, и тебя ослепляет эффект слоу-мо, дабы ты мог насладиться прекрасным зрелищем, а именно – главным героем.

Блондин и два брюнета. Все трое высокие и плечистые. И идут словно по красной дорожке. Только вспышек фотоаппаратов не хватает.

Парней трое, но…

Тот, что в центре, приковывает взгляд больше остальных двух. Тёмные волосы, расслабленная походка, чёрная фут-

болка и джинсы. Ничего особенного, но от него фонит такой властью, что становится не по себе. Почти потусторонние прозрачно-серые глаза мажут по толпе с абсолютным равнодушием, но так, словно это его пространство. А люди, его окружающие, лишь жалкие мошки.

— Кай пришёл, — благоговейно шепчет кто-то за соседним столиком.

И ещё...

— Неужели после того случая его не отчислили?

— Вряд ли его отчисление вообще возможно. Ну какой же он…

Блондинка раздражённо стреляет глазами в тот самый соседний столик, где шепчутся другие девушки, поправляет и без того идеальные волосы и вдруг резко вспоминает о моём существовании.

— Ты всё ещё здесь? А ну-ка пошла, — зло шипит она и, не дожидаясь моей реакции, вцепляется пальцами в моё плечо. — Если надо, я подпишу стол специально для тебя. Твоей кровью!

Я пытаюсь сопротивляться, но она дергает меня на себя с такой силой, что я теряю равновесие. Стул с мерзким скрежетом скользит по кафелю. Взмахиваю руками, пытаясь за что-то ухватиться, и хватаюсь. За что-то позади себя. Вылив на это что-то остатки кофе.

Чужие пальцы жёстко смыкаются на моих предплечьях. Меня рывком возвращают в вертикальное положение, бук-

вально впечатывая в широкую мужскую грудь. Воздух выбивает из легких. В нос ударяет запах терпкого древесного парфюма, чёрного перца и... моего пролитого кофе.

— Какого дьявола... — раздается над моей макушкой низкий, вибрирующий голос.

Я замираю. Медленно, боясь дышать, поворачиваю голову.

Графитовые глаза смотрят на меня сверху вниз. Резкая линия челюсти, тёмный, нечитаемый взгляд. А потом я опускаю глаза ниже и чувствую, как внутри всё обрывается.

На его идеальной черной футболке стремительно расползается мокрое пятно от моего американо. Как он тут так быстро оказался? Снова напоминает один древний фильм, где герой обладает сверхсилами и спешит втянуть героиню в приключения на пятую точку.

И я жутко хочу оказаться вне всех этих фильмов. Или хотя бы в массовке, наблюдать со стороны, а не участвовать…

Как назло, столовая словно вымирает.

— Кай, милый! — тут же подает голос блондинка, в панике делая шаг к нам. — Это всё она! Эта сумасшедшая заняла наше место, а потом сама бросилась и…

Парень переводит взгляд поверх моей головы, но я всё ещё ощущаю его руки на своих плечах. И не могу сделать и вдоха, что уж говорить о движениях.

— Ди, — голос парня звучит обманчиво тихо, но в нем столько свинца, что можно проломить стену. А глаза стано-

вятся ещё на пару тонов темнее. — Твои истерики становятся слишком шумными.

— Но она первая...

— Заткнись, — кидает он. Всего одно слово, но блондинка мгновенно захлопывает рот.

Он вновь переводит фокус полностью на меня. Его пальцы отцепляются и смыкаются стальной хваткой уже на моём запястье руки, в которой сжат проклятый стаканчик. Медленно осматривает себя, меня, и от этого контакта кожу начинает покалывать, как будто я пробыла на морозе несколько часов, и вот-вот наступит обморожение. Инстинкт самосохранения орёт, что нужно вырваться и сбежать прямо сейчас.

Чего сделать я пока не в состоянии. Зато почти смело встречаю его взгляд. Уж я точно ни в чём не виновата.

Но парень, конечно, считает иначе.

— Обычно, — его голос звучит низко, лениво, бренчит где-то на моих нервах, — когда кто-то вроде тебя путается под ногами, у него хватает ума хотя бы извиниться.

Я цепенею.

— Или портить чужие вещи – это такой отчаянный способ привлечь к себе внимание? — Кай чуть склоняет голову набок. — Разочарую. Если ты думала, что грязная футболка заставит меня тебя заметить, то ты ошиблась. Это только жалко. И смешно.

Что? О чём он вообще?!

Внутри что-то надламывается.

Усталость последних недель из-за переезда, нервное напряжение из-за стипендии, унижение от этой девицы Ди – всё это вдруг сплавляется в один горячий ком. Рациональная часть мозга, которая всегда твердила «не лезь на рожон, Лера, тебе же не нужны проблемы, своих хватает», захлебывается.

Страх испаряется. На его место приходит отчаянная искренность.

— Внимание?

Я делаю резкое движение, вырывая руку из его захвата. Парень лишь продолжает смотреть ледяным взглядом, не шелохнувшись.

Мой голос не звенит от яда, я не пытаюсь хамить или язвить. Оно само вырывается агрессивней, чем я бы хотела.

— Ты правда думаешь, что я сделала это специально? Я тебя даже не знаю. Вижу в первый раз. Но я понимаю, ты привык думать, будто мир вертится вокруг тебя одного. Жаль разочаровывать, но это не так. Если бы я могла выбрать, куда падать, я бы выбрала пол, а не тебя. Если бы одна из твоих фанаток не цеплялась к другим из-за желания тебе угодить, то этого всего не произошло. Можешь выставить счёт за химчистку своей подружке. Я здесь, чтобы учиться, а не участвовать во всём том бреде, который вы устраиваете.

— Да как ты смеешь? Ты хоть знаешь, с кем говоришь, чучело? — выплёвывает блондинка, дёргаясь в мою сторону.

Это замечаю лишь периферией сознания, так как всё моё

существо сконцентрировано на этом парне, от взгляда которого начинает ломить кости. Плевать.

Кто-то в толпе судорожно втягивает воздух, снова шепчется, но я совсем не жалею о своих словах. Дам слабину сейчас, при всех, и каждый захочет вытереть об меня ноги.

Отворачиваюсь, подхватываю со стола ноутбук и закидываю рюкзак на плечо.

Но сделать шаг мне не дают.

Парень хватает меня за руку и дёргает к себе так, что я снова чуть не падаю. И запястье простреливает болью. Я шумно вздыхаю. А он делает шаг, вторгаясь в мое личное пространство. Дыхание обрывается от такого вызывающего, наглого поведения. Наши носы почти соприкасаются, когда он наклоняется ко мне.

Ледяное равнодушие и насмешка в его глазах исчезает. Там горит тёмный огонь. Похоже, мои слова ударили туда, куда не доставала ни одна дерзость, по его абсолютной, непоколебимой власти над этим местом.

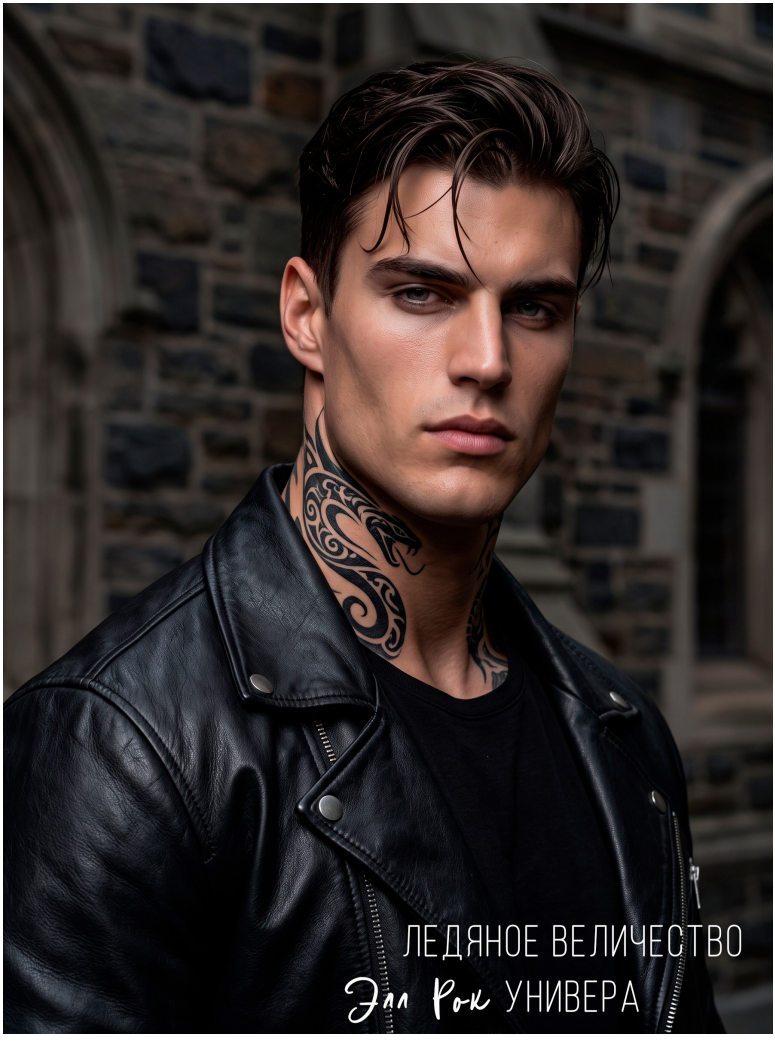
— Какая трогательная речь, — шепчет он так, чтобы слышала только я. Его горячее дыхание мажет по моему подбородку, и от этого контраста с его ледяным тоном по позвоночнику бежит холодок. — Но очень глупая.

Его взгляд тяжелеет и сверкает, словно правда в радужках сталь. Медленно скользит по моим губам и возвращается к глазам.

— Не советую грубить мне, грязноглазая. И научиться во-

время включать тормоза, промолчать там, где следует, потому что у меня не всегда такое хорошее настроение, как сегодня. На первый раз я всего лишь предупрежу. Не попадайся мне на глаза, иначе мне захочется вытравить отсюда очередного надоедливого таракана…

ЛЕДЯНОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
Элл Рок УНИВЕРА

ЛЕДЯНОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
Эли Рок УНИВЕРА

Глава 2

Ступени старого общежития кажутся бесконечными. К тому моменту, как я добираюсь до своего этажа, ноги гудят, а в голове тяжёлым набатом бьётся одна и та же мысль: я умудрилась нажить себе врагов в первый же день.

Я убежала из столовой после его слов. Возможно, это смотрелось для всех них как трусость. Но я просто не хотела продолжать этот абсурд, от которого у меня разболелась голова. Мне правда не было дела до бзиков богатых студентов, мнящих из себя королей жизни. И лучший способ не участвовать – игнорировать их существование. И да, не лезть на рожон. Их не существует. Просто не существует. И хорошо будет, если я этих личностей буду встречать в стенах университета как можно реже. Или вообще – никогда.

Дверь комнаты открывается не сразу, но после двух ударов бедром хлипкая деревянная дверь наконец поддаётся. Я переступаю порог, мечтая просто рухнуть на жёсткий, но желанный матрас, и замираю.

Ожидаемая тишина общажной комнаты разбивается о ритмичную поп-музыку и шуршание пакетов.

На соседней кровати, скрестив ноги по-турецки, сидит девушка и ожесточённо воюет с горой вещей. Огненно-рыжая, с копной непослушных пружинистых кудряшек и огромными васильково-голубыми глазами. На ней короткие домаш-

ние шорты и обтягивающая майка, которая с трудом сдерживает её невероятно аппетитные формы. Она похожа на ожившую героиню пин-ап плаката.

Заметив меня, она отбрасывает какую-то кофту и, просияв, спрыгивает на пол.

— О, наконец-то! А я уже думала, что меня подселили к призраку, который материализуется только к сессии, — она сгребает меня в неожиданно крепкие объятия, от которых пахнет ванилью и фруктовым шампунем. — Я Майя. Второй курс, дизайн.

— Лера. Эконом, первый, — выдыхаю я, невольно улыбаясь. Сопротивляться её бешеной энергетике просто невозможно.

— Класс! Я у вас с факультета многих знаю. Даже лично декана. Так что дружи со мной, я тебе пригожусь!

Я смеюсь. Так вот как это делается. Со стороны кажется несложно.

— Договорились!

Прохожу к своей половине и стягиваю объёмный кардиган, оставаясь в чёрной рубашке. Случайно ловлю своё отражение в мутном зеркале шкафчика и задерживаюсь.

Рядом с Майей я кажусь себе невыразительной тенью. Русые волнистые волосы стянуты в растрепанный пучок, на бледном лице выделяются только грязно-зелёные глаза (как точно подметил тот царёк) да курносый нос, покрытый бледными веснушками. Ни одного плавного изгиба, одни острые

углы и плоскости. У меня никогда не было времени делать из внешности культ. А природа-мать не наградила меня выдающимися формами.

Следующий час пролетает незаметно. Мы разбираем вещи, и Майя трещит без умолку, что позволяет мне, наконец, расслабиться за этот ужасно тяжёлый день.

— Клянусь тебе, Лер, я с понедельника на жёсткой диете, — трагично вздыхает девушка, запихивая джинсы на полку. — Я сегодня весь день питалась только солнечным светом и водой! Но... первый день в универе. Знакомство с соседкой. Стресс нужно заедать, иначе он отложится в морщины.

Я искренне смеюсь, глядя, как её железная воля капитулирует перед пластиковым контейнером, который она торжественно извлекает из-под кровати.

— Та-да-да-да-а-ам! У меня с собой мамины оладушки. Будешь?

— Только если ты будешь моё варенье.

Достаю из сумки пузатую стеклянную банку. На крышке знакомым до боли, аккуратным почерком выведено: «Малиновое. Для моей девочки».

В груди привычно сжимается тёплый, но саднящий комок. Мама. Она осталась в нашем родном городе. Я до последнего порывалась отозвать заявление, когда ей поставили этот проклятый диагноз, но мама впервые в жизни проявила стальную жесткость ко мне. Я должна учиться. А она справится. Я буду почаще приезжать домой. А она справит-

ся. Смогу получить достойное образование, устроиться на хорошую подработку. А она справится. Она сильная, мама всегда справляется. И я должна её слушаться. Так я и делаю, перманентно размышляя, правильно ли поступаю.

Спустя десять минут мы сидим на полу, обложившись подушками. Горячий чай обжигает язык, оладушки с малиновым вареньем тают во рту. Эта крошечная комнатка с облезлыми обоями вдруг кажется самым уютным местомна земле.

— Боже, это отвал всего, — стонет Майя, жмурясь. — Ни за что не променяю этот шедевр кулинарии на возможность щеголять в бикини и ослеплять мальчиков отсутствием целлюлита. Кого я обманываю?!

— Май, мне кажется, ты преувеличиваешь. Твоя фигура – мечта многих парней. Зря ты считаешь себя непривлекательной.

Девушка прыскает.

— Скажи это тем кретинам, которые буллили меня в школе. Или тем недоумкам, с которыми я пыталась сроить отношения.

— Мне жаль…

— Фигня! Факт в том, что все хотят Ирину Шейк, а не Дэнни Де Вито на минималках.

Я тоже прыскаю.

— А мне нравится Дэнни Де Вито.

— Это ты. Мы, девушки, любим ушами и душой. Ладно! Даже не пытайся меня переубедить!

— И не собиралась. Это должна сделать не я, — нарочито легко жму плечами, откусывая кусочек. Правда, я бы попыталась ещё, я люблю добиваться понимания своей точки зрения другой стороной. Но только в этом вопросе я вряд ли могу по-настоящему помочь, так как сама никогда не отличалась высокой самооценкой. Мне тоже в себе не нравится… почти всё, и меня также не переубедить.

Ещё через минут пятнадцать после разговора обо всём, Майя переводит тему.

— Ну, рассказывай. Как первый день? Подцепила уже какого-нибудь симпатичного старшекурсника? Меня сегодня не было, а в первый день всегда происходит всё самое интересное.

Кручу в руках тёплую кружку, покрываясь противными мурашками от очередной волны воспоминаний.

— Скорее, подцепила проблем. Сначала ко мне пристала какая-то блондинка с губами на пол-лица из-за столика в столовой. А потом из-за неё я облила кофе одного парня.

Майя округляет глаза в предвкушении классной сплетни.

— Ого! И кто жертва? Он симпатичный?!

— Какой-то Кай, — пожимаю плечами я, промолчав о степени симпатичности. Мне как-то не до оценивания было, но я уже поняла по реакции остальных, что считают его здесь чем-то вроде божества.

Майя давится чаем. Она заходится кашлем, прижимая ладонь к груди, а когда наконец может дышать, смотрит на ме-

ня с благоговейным восторгом.

— Да ладно?! — взвизгивает она, и её глаза горят. — Лер, ты издеваешься? Ты в первый же день облила нашего Ледяного королевича?!

Я хмурюсь, не разделяя её энтузиазма. С каждым её восторженным словом невидимый туман в моей голове становится всё плотнее.

— У него что, правда такое дурацкое прозвище?

— Оно не дурацкое, оно офигенное! — Майя машет руками, едва не опрокинув кружку. — Лер, его отец владеет половиной строительного бизнеса в Москве и далеко за её пределами. Северовы неприлично, просто космически богаты. Кай ездит на тачке, которая стоит как всё это общежитие вместе с деканатом. Перед ним преподы на задних лапках ходят. А как он потрясно красив! Ты видела эти глаза? Это же ходячий грех, честное слово. Я на первом курсе так по нему сохла, что даже стихи писала. Стыдоба!

Она весело хихикает, откусывая оладушек, а я чувствую, как внутри расползается липкий мрак. Контраст между этой тёплой комнатой, запахом малины и тем ледяным взглядом, который сверлил меня в столовой, становится слишком резким.

Кай Северов. Надо же. Какое говорящее имя. Родители постарались, чтобы их чадо по всем пунктам был отмороженным.

В мельчайших подробностях вспоминаю его хищную гра-

цию. Его обещание, брошенное мне в лицо. И я даже не сомневаюсь, что это не пыль в глаза. Он на самом деле может травить неугодных ему «тараканов». Для Майи, как и для большинства здесь, он – глянцевая картинка, недосягаемый краш из сплетен. А для меня – реальная угроза. Судя по всему. Такие парни могут поступать плохо. В это я верю.

— И как он отреагировал? — с любопытством допытывается соседка. — Небось, смотрел на тебя своим фирменным взглядом «становись-на-колени-и-моли-о-пощаде», а ты стояла красная, как помидорка, и извинялась?

Делаю судорожный глоток чая и, с секунды две помолчав, отвечаю спокойно.

— Я не извинялась.

Майя замирает. Улыбка медленно сползает с её губ.

— В смысле… совсем не извинялась?

— Совсем. Я намекнула ему, чтобы он держал своих цепных фанаток на поводке, — тихо, но чётко произношу я, глядя в кружку. — Сказала, что мне плевать на него и его внимание. И что, если бы мне пришлось выбирать между ним и полом, я бы выбрала пол.

В комнате повисает такая тишина, что слышно, как за окном гудит сентябрьский ветер.

Майя смотрит на меня широко распахнутыми глазами. Секунда. Вторая. А потом она вдруг начинает истерически хохотать, заваливаясь на подушки.

— Боже! — сквозь смех выдавливает она, вытирая высту-

пившие слёзы. — Лера, ты просто чудо! Да наверняка ему никто и никогда такого не говорил! Блин, я бы всё отдала, чтобы увидеть его лицо в тот момент!

Она садится ровно и с восхищением, пополам с лёгкой тревогой, смотрит на меня.

— Слушай, у тебя стальные яйца, Романова. Но, — она пододвигает ко мне контейнер с едой, — если ты собираешься воевать с Северовым, тебе срочно нужны углеводы. Ешь.

— Не собираюсь я ни с кем воевать, — бурчу, но оладушек беру, чувствуя, как напряжение в груди немного отпускает от её смеха. Только мучает ещё один вопрос. — Догадываюсь… эту блондинку ты тоже знаешь? Ухоженная такая. Даже чересчур. Но красивая. И очень неуравновешенная.

Майя закатывает глаза, словно я задала наиглупейший вопрос.

— Кто её не знает? Её папа один из главных спонсоров универа и какой-то там крутой продюсер. А сама Диана Малышева, в народе Леди Ди, – актриса, блогер-миллионник, певица… — загибает пальчики, говоря нарочито приторным тоном. — В общем, звезда она у нас с большой буквы «П». Истеричка ещё та. Но парни за ней как зомбированные таскаются. Только без толку. Ди с Северовым встречается. Ну или так думает. Потому что, например, он себя ни в чём не ограничивает, из-за чего у этой сумасшедшей периодически случаются приступы бешенства.

Поднимаю брови и выдыхаю поражённо. Вот это да. Такие

страсти я только в сериалах наблюдала. Ну или читала. Как же, оказывается, я скучно жила все эти годы в своём маленьком спокойном городке, где нет звёзд, а богачи живут за стеной и никак не соприкасаются с обычными людьми. Можно мне обратно?

— Да забей ты. Ди только гавкать умеет. А вот от Кая серьёзно пока лучше держись подальше. В прошлом году у нас был скандал. Одна студентка, племянница одного из преподов, заявила об изнасиловании, — заканчивает она зловещим шёпотом, и мои глаза выкатываются от шока.

— Что… он её изнасиловал?!

Майя пожимает плечами.

— Мнения разделились. Одна половина поверила в это, другая была уверена, что его оклеветали. Кай не особо вносил ясность и уж точно не пытался оправдать себя в глазах студентов. Но говорят, что между ними правда что-то было, после чего она подала заявление, сняв синяки на теле в доказательство. Важное уточнение: некоторые студенты утверждали, что девчонка была повёрнута на Кае и жёстко сталкерила его. Конечно, кто-то посчитал это сфальсифицированными слухами почитателей Северова. Но всё равно, обвинения ему так никто и не вынес – повторюсь, Северовы те ещё глыбы, и их так просто не подвинуть, будь твой папа хоть самим ректором. А потом Кай просто вытравил эту девушку из универа.

В голове начинает шуметь от такой информации.

— И что, после такого им продолжают восторгаться? Люди настолько больны?

Майя снова жмёт плечами, хмыкнув.

— Кай был таким безжалостным и громким, что у многих со временем отпали все сомнения насчёт его невиновности. Он хоть и не оправдывался, но был в бешенстве и словно пытался показать той девчонке и всем остальным, что будет с теми, кто ещё посмеет что-то плести против него. Конечно, часть всё ещё верит, что он насильник. Только боятся его до одури, чтобы как-то выразить своё отношение. Остальные верят, что девчонке захотелось отомстить за то, что после секса она стала не более чем использованной резиновой куклой.

— И ты тоже?

— Я знаю, что Кай разве что хлопушкой не пользуется, чтобы отгонять от себя девиц, которые хотят его трахнуть. Не могу представить ситуацию, в которой ему бы пришлось кого-то принудить к сексу с собой. Но предпочту остаться на нейтральной стороне, потому что правду из первых уст я всё равно никогда не узнаю. А чтобы созерцать прекрасное, необязательно во что-то верить! Но ты всё равно, — смеётся она нервно, — держись от него дальше. Сексуального насилия я лично не видела, а вот психологическое – очень даже. От тех, кто переходит ему дорогу, он не оставляет и мокрого места, и это общеизвестный факт.

Сглатываю и вздёргиваю подбородок. Только быстро сду-

ваюсь и заедаю новую информацию тремя ложками варенья. Благо Майя умеет разрядить атмосферу. Вскоре мы уже снова болтаем о чём-то приятном, не о Кае Северове.

Атмосфера в комнате вновь тёплая и светлая, пахнущая выпечкой и девичьими секретами.

Но когда ночью свет гаснет, и Майя начинает мирно сопеть на соседней кровати, я долго гипнотизирую тёмный потолок. Рациональная часть мозга чётко понимает: Майя может сколько угодно шутить и сглаживать углы, и я могу сколько угодно делать вид, что мне всё равно, но завтрашний день для меня правда может стать проблемой.

Так и быть, я отдам ему деньги за химчистку, а после стану невидимкой. Я буду держаться от Кая Северова и всей их компании так далеко, как только смогу, дабы сохранить свою спокойную жизнь.

Вот только шестое чувство настойчиво шепчет, что я немного опоздала.

Глава 3

Протиснуться сквозь в аудиторию, где сейчас у нас лекция, оказывается той ещё задачей. Меня толкают, кто-то ощутимо прикладывается рюкзаком по плечу, пока я наконец не выныриваю из этого броуновского движения.

Окидываю взглядом помещение и теряюсь.

Слишком много людей. И хоть я запомнила не всех своих одногруппников, но сразу могу сказать, что здесь не только наши. Гул голосов, парней, девушек. Я словно заглянула в копошащийся муравейник. Достаю телефон и нахожу расписание. Ну конечно. Совмещённый семинар по основам кризис-менеджмента с четвёртым курсом.

Сглатываю и оглядываюсь, ища свободное место. В такие моменты я испытываю адскую досаду из-за того, что моя соседка учится не со мной. Насколько бы тогда дышалось легче. Майя – просто потрясающая девушка.

Подмечаю одно место ближе ко входу, но топчусь на месте ещё пару секунд. Парень. Высокий и весьма симпатичный. Взгляд отстранённый и задумчивый. Но выглядит так, словно он один из той элиты, от которой я бы хотела держаться дальше.

Выдыхаю и быстро поднимаюсь ко второму ряду. Плевать. А то и это место упущу. Ему вон до меня вообще дела нет, даже не посмотрел, кто рядом аккуратно устроился. Продол-

жает бездумно крутить ручку в пальцах и сверлить пространство перед собой.

Ладно.

Пока раскладываю свои вещи на парте, в голове фоном крутятся мысли, не отпускающие меня последние семь дней. Я устроилась на подработку, в кафе неподалёку от университета. Мы с Майей успели поизучать столицу, вырвавшись на прогулки уже целых два раза. Обосновали в комнате свой быт и утвердили расписание уборки и список необходимых покупок на следующий месяц. Я успела заработать уважение и расположение двух преподавателей и один раз до полуночи засидеться в библиотеке за изучением древних фолиантов.

Итак, за эту неделю произошло много всякого. Я почти вошла в этот бешеный ритм. Но ни разу не видела того, кого ожидала. Хоть и слышала о нём много.

Если быть честной с самой собой, парень ведь правда был не виноват, что его окатило моим кофе. Более того, он меня вообще-то поймал, вроде как спас от падения. Разумная часть меня твердила: извинись за испорченную вещь, закрой этот вопрос и спи спокойно.

Но потом я вспоминала его пронизывающий холодом взгляд. Рассказы Майи о той девушке и просто его поведении. И потому каждый новый день только радовалась, что не вижу его в этих стенах. Мой порыв предложить Его Величеству мир, нейтралитет и пару кровных тысяч за химчистку потихоньку сошёл на «нет». И наверное, это к лучшему.

Скоро я совсем забуду о том недоразумении, и все мы сможем жить спокойно. А именно – я. Ведь уверена, что мучилась от ожидания и мыслей тут я одна. И это он ещё ничего не сделал.

Я кошусь на соседа по парте с любопытством. Он кажется мне каким-то… безопасным, почему-то напряжение рядом с ним совсем исчезло. И я решаю.

Вздыхаю, прочищаю горло и натягиваю на лицо приветливую улыбку. Нужно учиться быть легче. Заводить знакомства, как нормальные студенты.

— Привет. Давай знакомиться? Я Лера, — произношу я, стараясь звучать непринуждённо, и протягиваю ладошку. Только сразу её одёргиваю, решив, что она слишком влажная от волнения и дрожит.

Парень медленно поворачивает голову. В его карих глазах мелькает лёгкое удивление, а потом его лицо снова становится нечитаемым.

— Марс, — коротко отзывается он и отворачивается.

Что ж… неплохое начало вроде бы? Поелозив на месте, задаю новый вопрос:

— Ты с четвёртого курса?

И тут же краснею, когда парень смотрит на меня как на дуру. Конечно с четвёртого. А с какого ещё, если тут всего два, один из которых мой.

Тут мои попытки обрываются новым гулом голосов. Каждая мышца в моём теле напрягается, ведь это что-то мне на-

поминает.

И я не ошибаюсь, ведь, посмотрев на вход, вижу причину резкой смены атмосферы. В аудиторию входит он. Нет – ОН. Ледяной король сея университета, как величают его Майя и студенты. Правда так величают, я слышала. В сопровождении своей свиты, блондина и брюнета, чьи лица для меня размываются, стоит мне понять одну простую истину: Он с четвёртого курса, это его группа потеснила нашу, сейчас у нас совместная пара, он не исчез, не переехал в другую страну, не перевёлся в другой университет, он жив, здоров, по-прежнему пышет самоуверенностью и он всё ещё здесь учится, у нас один факультет…

Все взгляды студентов также обращаются ко входу. Шепотки. Приторные улыбки девушек. Особые феромоны, вырабатывающиеся, если в зоне видимости появляется этот человек.

Тёмно-каштановые волосы, чёрная водолазка, подчёркивающая массивную фигуру, бесконечные ноги, расслабленная походка.

К нему подскакивает какой-то парень, жмёт руку, что-то спрашивает. Ещё один парень. Девушка. Они ищут его внимания. Им интересно говорить с ним, улыбаться ему, заискивать. Но со всеми он общается без особой охоты. Отвечает безэмоционально, смотрит равнодушно, иногда слишком холодно. Ему плевать на них, он не старается, понимаю.

Неосознанно замираю, с интересом наблюдая за ним.

Смотрю на него неотрывно, анализируя каждую черту лица. Мимику. Он правда похож на монаршую особу, которую утомляет этот бренный мир со всем его наполнением.

Слишком самоуверенный и грубый? В этом нет сомнений. Хладнокровная сволочь, безжалостное чудовище? Вероятность этих его сторон сквозит в каждом движении и взгляде – не подходи ближе, будет больно. С моральной составляющей разобрались. А что насчёт физической?

Смотрю на его крупные ладони, ровные длинные пальцы, широкую грудную клетку, которую, кажется, ничем не пробить. Чётко выделенные скулы, квадратный подбородок, тяжёлая челюсть, нос с небольшой горбинкой. Он не выглядит смазливым мальчиком. У него очень мужская внешность и пугающие глаза. Его облик кричит о силе, агрессии, а взгляд – об остром уме.

Но... способен ли он на физическое насилие над девушкой?

Мои пальцы сильнее вцепляются в бёдра, когда я лихорадочно думаю, мог ли он? Медленно веду взглядом вверх, от его бёдер, плотно обтянутых плотной тканью чёрных джинсов, до стального торса и груди, к крепкой шее и фрагменту татуировки. Змеи? Драконы? Ящерицы? Кто там…

Давлюсь вздохом, когда натыкаюсь на его прямой пронизывающий взгляд. Он смотрит на меня? Мне не кажется? Сколько это длится?!

Тело окатывает кипятком от понимания, что я смотрела

на него. Наверное, даже не моргая. Долго. И он это заметил.

ЛЕДЯНОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
Эли Рок УНИВЕРА

Глава 4.

Кай вдруг начинает двигаться прямо к нашему ряду. Так же продолжая пронзать меня насквозь прозрачными глазами. Чувствую, как лёгкие сжимаются, позвоночник вытягивается, но я заставляю себя не опускать взгляд и даже вздёргиваю подбородок. Встречаю этот пронзающий насквозь лёд прямо и открыто.

Ну и что с того, что я смотрела на тебя? Да о тебе столько говорят, что глаза сами прилипают к твоей фигуре, дабы разглядеть, что из этого правда.

Северов останавливается у нашей парты. Его фигура, массивная и тёмная, как накрывшая катастрофа. И я внутренне напрягаюсь от ожидания унижений. Или чем он там ещё любит заниматься в свободное от учёбы время.

— Не думал, что у тебя хватит смелости притащиться сюда, — его голос звучит негромко, даже слишком тихо, но от этого тона, в котором будто ничего живого, в венах стынет кровь. Смотрит на меня так, словно медленно, но верно вытягивает душу. — Но забыл, что иногда смелость граничит со слабоумием. Ты портишь воздух и моё настроение одним своим видом. По-моему, я доступно объяснил, что ближайшее столетие мои глаза не должны видеть твою рожу.

Задохнувшись, я округляю глаза, не веря, что человек правда может говорить такие вещи практически незнакомым

людям. Кулаки до пощипывания сжимаются под столом, и я уже открываю рот, чтобы ответить, но…

— Ты же знаешь, меня мало волнует, что ты там думал и пытался объяснить. Можешь выйти сам, если переживаешь за свои глаза.

Я резко закрываю рот, скосив взгляд на соседа. Сейчас на нём куда больше эмоций нежели несколькими минутами ранее. Но всё равно он старается оставаться равнодушным.

Снова смотрю на Кая. Так это не мне было сказано?

Словно в подтверждение, Северов медленно переводит взгляд на Марса, его губы всего на долю секунды изгибаются в холодной усмешке, а потом он делает одно резкое движение и вот его голова уже на уровне моей, а рука до белых костяшек вцепилась в ворот рубашки моего соседа.

Вжимаюсь в спинку скамьи и не дышу, остальные студенты так же с замиранием наблюдают и пытаются расслышать с задних рядов, пока Северов нависает над парнем и буквально замораживает его и глазами, и словами. Спокойно и жутко.

— Ты забываешься. Терпилой я никогда не был, это твой удел. Быть лохом. Прыгать под чужую дудку. Не иметь своего мозга. А теперь пошёл вон, если не хочешь, чтобы я по-настоящему разозлился.

На висках Марса пульсирует венка от того, как его тело напряжено. Стиснув челюсти, он отцепляет от себя руку Северова, не без труда, хоть и такой же здоровый по габаритам,

и улыбается через натугу:

— Успокойся. Можешь не стараться ради меня. Я здесь, чтобы учиться. И тебе советую заняться тем же, Кай.

— Что-то мне это напоминает… — переводит леденящий взгляд на меня, усмехнувшись, и выпрямляется.

В мой желудок падает булыжник от такого напоминания, а он продолжает.

— Что ж, это похвальное рвение. Гранит науки и всё такое. Только не плачь слишком горько, если в процессе останешься без зубов.

Что?.. Это угроза? Он это мне или снова…

Тёмная фигура резким порывом проходит в двух сантиметрах от моего плеча, оставляя горький запах свежести, и я не могу повернуть шею, но скашиваю взгляд, пока он совсем не пропадает из зоны видимости. Где-то за моей спиной.

Слышится смех его дружков. Теперь кажется, насмехаются как надо мной, так и над моим соседом.

Который тем временем стискивает челюсти и вновь пытается что-то высмотреть в пространстве перед собой. Как будто в мыслях рассчитывает план месте. Или как минимум кроет Ледяного короля матом. И я его отлично понимаю.

Что между ними? Они в ссоре? Хотя не думаю, что Королевичу нужен повод, чтобы выбрасывать на людей свою агрессию.

С этой минуты моя неприязнь к этому человек увеличивается до небывалых размеров.

Больше я не рискую и не ищу Северова взглядом. А он где-то позади. И почему-то я ощущаю странное покалывание в районе своей макушке ещё до тошноты долго. Но стараюсь абстрагироваться и напоминаю себе, для чего я здесь. Да, чтобы учиться. Чтобы не разочаровать маму. На всё остальное плевать. Всего одна пара. И мы снова будем существовать в разных вселенных, несоприкасающихся друг с другом.

Раздаётся звонок, и в аудиторию, как по волшебству, тут же стремительным шагом заходит преподаватель, небольшого роста старичок с экстремальным зарядом энергии, сгружает папки на стол, суетливо поправляет очки и стучит ладонью по столу.

— Тишина, дети! Итак, для чего, вы думаете, я собрала вас сегодня вместе? А всё потому, что мы запускаем сквозной семестровый проект. Стратегия вывода предприятия из банкротства. Работа в парах. Четвёртый курс выступает в роли топ-менеджмента и стратегов, первый курс – собирает первичную аналитику и работает с документацией. Это ваш допуск к сессии.

По аудитории прокатывается смешанный гул. Я же впадаю в лёгкое замешательство. То есть, какое-то время нам придётся ещё наблюдать четвёртый курс на своих лекциях? И Северова – тоже? У нас симбиоз? Я правильно понимаю?

— Аркадий Ильич, а можно я сам выберу себе пару? Я люблю симпатичных первокурсниц. Клянусь, я научу её и анализу, и тому, как выходить из кризиса. Практикой не об-

делю! — выкрикивает какой-то парень.

И когда я оборачиваюсь, сразу становится понятно, кто смог себе такое позволить. Блондин с татуировкой на поллица, друг Царевича Кая. Аудитория тонет в смешках и шёпоте. Девушки смущённо-игриво хихикают. Но есть и такие, как я, кто не разделяет подобного пошлого веселья.

— Кхм-кхм! Пары назначаю я сам, — отрезает препод, возмущённо взглянув на парня. — А вам, Лебедев, я принципиально поставлю в пару молодого человека… Лисицина Ивана. Очень сообразительного молодого человека, должен сказать. Вам повезло.

— Ну, Аркадий Ильич!

— А-ха-ха! — конский смех катится по задним рядам.

Неподалёку от них краснеет мой одногруппник. Он тоже явно не в восторге от такого партнёра, да и внимания.

— Смотри, лебедёнок, Лисичкина практикой не обдели!

— Пошёл на хер!

— Тишина! — прикрикивает преподаватель, гул голосов и смех тут же стихает, и я облегчённо выдыхаю. Как же я не ценила покой на наших лекциях. Четвёртый курс – чистые неандертальцы, у которых на уме всё что угодно, но только не учёба. — Идём дальше по списку… Колосов… Аркадьева… Мастеров… Северов…

— Аркадий Ильич, — тихий голос с галёрки в какой-то момент перебивает преподавателя на полуслове. И моё тело стынет от плохого предчувствия. Догадываюсь, когда этот

человек появляется или открывает рот, ничего хорошего не жди.

— Да, Северов? — препод поднимает взгляд от ноутбука, и я слышу в его голосе полутон… уважения?!

— Я уже выбрал себе аналитика.

— Вот как? И кого же?

— Эй! Так нечестно! Почему ему можно, а мне нельзя?! — возмущается Лебедев, на что Кай с усмешкой смотрит на своего друга.

Похоже, я знаю ответ. Потому что Он – Царь, Бог, Пуп земли. И как бы прискорбно это ни было, мир правда вращается вокруг таких личностей.

— Потому что Северов, в отличии от вас, Лебедев, уже доказал свой уровень профессионализма и ответственности. А своим лучшим ученикам я привык идти навстречу, — ничуть не смутившись явного фаворитизма, отвечает Аркадий Ильим. Внутри меня всё переворачивается от его слов. Лучший ученик? Но чему я удивляюсь? Конечно, Ледяной король лучший во всём. Априори это делает с ним его фамилия и статус. Уверена, собственных заслуг там – пшик. — Ну так, Кай? Кто, по-твоему, был бы способен составить тебе пару?

— Вон та, — говорит он, но я не слышу его равнодушного, но насмешливого тона, так как увязаю в собственных мыслях насчёт несправедливости Вселенной. — Грязноглазая со второго ряда. Та, что с гнездом на голове.

Аудитория странно затихает, и я начинаю оглядываться.

И когда натыкаюсь на прямой взгляд преподавателя в мой адрес, вздрагиваю.

Что?..

— Что?.. — выдыхаю поражённо, не в силах поверить, что он правда говорил обо мне.

Нет, нет, нет. Не может быть. Он же должен унижать меня. Травить. Или что-то в этом духе. Но совместный проект? Гнездо на голове? Для чего? Почему я? Что он задумал?!

На автомате моя рука тянется к макушке, где накануне я завернула култышку и заколола её карандашом, и слышу, что аудитория наполняется смешками и новой волной шёпота.

Стыд и злость обжигает мне лицо. Не успев обдумать, вскакиваю с места, сначала оборачиваюсь на задние ряды, где расслабленно восседает Царь, а потом с мольбой смотрю на преподавателя.

— Аркадий Ильич, — мой голос звучит пискляво, жалко, дрожит от шока, но я говорю скороговоркой. — Я категорически отказываюсь работать с этим человеком. Проект требует академического подхода, а не раздутого эго и попыток самоутвердиться за счёт первокурсников… Пожалуйста, прошу вас, назначьте мне любого другого напарника.

Шепотки громче. Кто-то откровенно смеётся. Девушки из нашей группы завистливо прожигают меня глазами. С четвёртого – мысленно четвертуют.

Аркадий Ильич не успевает что-то ответить. Снова звучит бархатный спокойный голос, полный скрытой насмешки и

предвкушения маньяка.

— Аркадий Ильич, вы же сами просили нас поработать с кризисными активами. У первокурсницы явный кризис компетенций, переизбыток эмоций и проблемы с субординацией, — Кай делает крошечную паузу, издевательскую. — Считаю своим долгом научить её работать в стрессовых условиях. Воспринимайте это как мой личный вклад в благотворительный фонд факультета.

Друзья Северова начинают откровенно смеяться.

— О-о-о, девочка, да ты попала!

— Грязноглазка, земля тебе пухом!

— Повезло же тебе с напарничком, если выживешь – лично награжу медалью!

— Что вы несёте?! Да идиотке повезло, что Кай согласился возиться с ней, а она ещё рот свой раскрывает, — выплёвывает злобно какая-то блондинка рядом с Северовым.

Оборачиваюсь и в злом непонимании смотрю только на одного конкретного парня. Он же – смотрит в ответ, не отрываясь и не испытывая ни капли эмоций по этому поводу. Словно жирный тарантул наблюдает, как бедная муха попала в его сети. Ещё пытается жужжать, суетиться, но он-то знает, что всё это без толку, скоро он ей отужинает.

— Тишина в аудитории! — преподаватель хлопает ладонью по столу, в очередной раз призывая к порядку. Он переводит взгляд на меня, и в его глазах нет ни капли сочувствия. Лишь… воодушевление? — Романова, садитесь. Ка-

рина права, хоть и выразила свою мысль непозволительно грубо. Вам невероятно повезло, что один из лучших студентов потока согласился тратить на вас своё время. Возражения не принимаются, пара утверждена. Следующие: Соколова и Марков…

Я медленно опускаюсь на стул, пытаясь переварить произошедшее. И даже любопытного взгляда соседа не замечаю. Воздух застревает в горле дышать не могу от осознания. Преподаватель только что связал меня с главным тираном университета. Кай выбрал меня не просто так. Он собирается уничтожить меня легальным путём. Ведь от него теперь зависит моя стипендия. То, зачем я здесь.

Пытаюсь сконцентрироваться на дальнейшей речи преподавателя. Далее также не все согласны со своими парами, но вряд ли это может быть хуже, чем моя ситуация. До конца пары я всё же сижу ни жива ни мертва, плохо воспринимая как важную информацию, так и дурацкие шутки с задних рядов.

Как только звучит спасительный звонок, я сгребаю вещи в рюкзак и вылетаю из аудитории в числе первых. Не оборачиваюсь и не торможу. Выбегаю в коридор, лавируя между студентами.

Успокойся, Лера. Дыши. Это просто проект. Ты выполнишь свою часть, согласуешь с ним, защитишь проект и забудешь об этом как о страшном сне. Он ничего тебе не сделает. Ты пришла сюда учиться, и ни что не собьёт тебя с пу-

ти…

Так я почти дохожу до уголка с аппаратами с кофе.

Но внезапно чья-то рука жёстко перехватывает моё запястье. Меня дёргают с силой в сторону, и на мгновение моя душа покидает тело, так как я представляю только одного человека, наглость и грубость которого переходят все границы.

Марс

Глава 5

Напрягаюсь, ожидая чего угодно и от конкретного человека, но не этого.

— Лер! Просто офигеть! — оглушает меня девичий писк.

Резко распахиваю глаза. Никакого Северова. Передо мной Майя. Её рыжие кудри растрепались, а голубые глаза сияют нездоровым блеском.

— Господи, ты чего так меня хватаешь?! — выдыхаю я, прижимая ладонь к бешено колотящемуся сердцу. — Я же думала, что это Северов. Чуть не скончалась от разрыва аорты.

— Да плевать на аорту, ты послушай! — она трясёт меня за плечи, вообще не замечая моего предынфарктного состояния. — Меня только что позвал на вечеринку один парень! Такой охренительно симпатичный, Лер! Он оплатил мой кофе у аппарата и сказал, что я милая и забавная, представляешь? До сих пор отойти не могу…

— Парень? Кофе? На вечеринку? — глупо переспрашиваю, не успевая за её ходом мысли.

Майя быстро кивает.

— Ага. И знаешь, где будет эта самая тусовка? В загородном коттедже Северова! Блин, да я ещё с того года мечтала туда попасть! Говорят, туда вход только по личному распоряжению Кая. Мне просто не верится! Каждый студент хотя

бы раз в жизни должен там побывать. Ты ведь со мной?!

Моё сердце, только начавшее успокаиваться, снова ухает вниз.

— Нет, — отрезаю я, делая шаг назад и высвобождаясь из её хватки. — Я в принципе не любитель шумных сборищ, а тут ещё и в логове этого тирана. Увольте.

— Лер, ну пожалуйста! — Майя тут же складывает ладони молящим жестом. — Это же просто тихая частная вечеринка. Лер, ну давай, а? Как я без тебя пойду?

— Со мной тебе будет только хуже, — мрачно обещаю я. — На данный момент я худшая для тебя компания для похода на его вечеринку, Май. Потому что ваш драгоценный Северов всё-таки сделал целью отравить мою жизнь. Только что он выбрал меня в напарницы по семестровому проекту. Специально. Чтобы устроить мне персональный филиал ада на земле. И при всех на лекции назвал грязноглазой с гнездом на голове.

Сама не замечаю, как в голосе проступает обида. Как будто такие слова из уст Королевича что-то удивительное. Я же уже выяснила, что грязный язык для него – часть религии, и из его рта априори не может идти что-то нормальное и адекватное.

Улыбка Майи медленно сползает. Она приоткрывает рот, переваривая информацию.

— Да ладно… — тянет она, и в её голосе проскальзывает сочувствие. Не очень натуральное. И уже через секунду

уголки её губ дёргаются в улыбке. — Прости, Лер, я правда соболезную твоей нервной системе, но… это же Северов, понимаешь? Каким бы мудаком он ни был, а совместный проект с ним приравнивается к выигрышу в лотерее. И если ты придёшь на вечеринку, будет шанс с ним подружиться!

Не могу удержаться от закатывания глаз, хотя сама всегда считала этот жест неприемлемой грубостью в беседе с человеком. Но проанализировать то, какие метаморфозы потерпело моё поведение с поступлением в университет, пока не получается. Майя сама только недавно рассказывала мне, какой он страшный и ужасный, а теперь говорит о каком-то выигрыше в лотерее.

— Для кого? Для тех, кто хочет его компании. А я не хочу. Да меня тошнит от одного представления, что придётся с ним что-то обсуждать. И вряд ли он резко вспомнит о том, что всё это ради учёбы. Испортит нашу работу, замучает меня до смерти. Ему-то что? А у меня от этого проекта будет зависеть жизнь… в общем, нет, я ни ногой на его территорию. Чем меньше мы соприкасаемся, тем лучше для меня. Боюсь, наговорю лишнего, и всё станет ещё хуже.

Майя грустно вздыхает.

— Тоже верно. Ладно, ты кремень. Любая бы на твоём месте прыгала от счастья, даже ханжа обыкновенная, равнодушная к мальчикам. Но не ты, я поняла, — она поправляет лямку моего рюкзака. И я не знаю, воспринимать её слова как комплимент или же шпильку мне в глаз. — Прорвём-

ся. Если что, задействуем мои связи. А пока иди и думай над тем, как сделать этот проект с наименьшими потерями. Встретимся на обеде!

***

Следующие несколько дней сливаются в один бесконечный, выматывающий марафон. Я пытаюсь жонглировать лекциями, конспектами и вечерними сменами в кафе.

В среду вечером, когда я убирала чашки со столика у окна, колокольчик на двери звякнул, впуская в зал терпкий аромат женского парфюма. Диана Малышева в компании своих вечных фрейлин. И это было странно, ведь наше кафе не подавало устрицы и безглютеновые десерты.

Она заметила меня почти сразу в этом небольшом уютном зале. Её брови взлетели вверх, а на накрашенных губах расцвела плотоядная улыбка. И когда я подошла к их столику, чтобы принять заказ, Ди не заставила яд ждать.

— О, девочки, вы только посмотрите. А я-то думала, чем это воняет наша языкастая мышь. Оказывается, столовкой и грязной посудой, — мягко рассмеялась она, оглядываясь на своих подружек, и те тут же её поддержали. — Сделай мне матча-латте на кокосовом. И постарайся не залить мою чашку своими слезами. Ну и не облить меня. Говорят, ты ещё та криворучка. В отличии от Кая, я заставлю платить тебя не только позором, но и деньгами, которых у тебя нет.

Я спокойно вбила в планшет заказ и, подняв голову, выдавила из себя скупую дежурную улыбку. Как остроумно.

— Постараюсь, чтобы в вашей чашке был исключительно матча-латте и ни капли моего биоматериала. Что-то ещё?

Диана скривилась в отвращении, а её подружки, подражая тону самой Малышевой, дополнили заказ.

— Заказ будет готов через пятнадцать минут. Приятного ожидания.

Я уже хотела развернуться, но Королева улья сузила глаза и тихо прошипела, словно расслышала в моём тоне издёвку, хотя эту базовую фразу я говорила всем посетителям.

— Ты нарываешься, обслуга. Думаешь, если Кай решил сделать из тебя посмешище на глазах у всего факультета, ты получила право открывать рот? Только попробуй как-то не так посмотреть на него во время вашего совместного проекта. Я обо всём узнаю. Узнаю и мокрого места от тебя не оставлю, ты поняла?

Ну, конечно. Вот зачем она здесь. Должно быть, это настолько унизительно – бегать за девушками, которые хоть как-то соприкасаются с жизнью её парня, и угрожать им, что мне её стало даже жаль. А я уверена, я не первая, кого она решила «предупредить».

— Я была бы счастлива, если бы ты отговорила своего парня от этой идеи в принципе. Но жаль, что он не послушает тебя. У меня вообще сложилось ощущение, что он ни во что тебя не ставит, как и других девушек. И меня разве что могут только оскорбить твои предположения касаемо моего интереса к нему. Я не хочу смотреть на эгоцентричных ти-

ранов, я хочу их препарировать. Как лягушек. Чтобы узнать, гниёт только снаружи или изнутри тоже.

— Что ты!..

— Фу-у, — протянула брюнетка, одна из подружек, обрывая задохнувшуюся от гнева девушку. Вторая тоже поморщилась. — Я уже ничего не хочу. Пошли отсюда, Ди. Я говорила, что не надо сюда идти!

— Больная идиотка, — выплюнула сама Диана, и они с подружками быстро вышли из кафе.

Я только успела кинуть напоследок удивлённо:

— Так заказ отменяется?

Принимая следующий заказ, я поймала себя на мысли, что они с Северовым подходят друг другу просто фантастически. Как два идеально отполированных лезвия секатора. Красивые, блестящие, и существуют только для того, чтобы откусывать головы всем, кто тянется к солнцу чуть выше положенного. Ну и ещё потому что оба неадекватны в своём восприятии.

***

Майя тем временем не оставляла попыток затащить меня на эту вечеринку. Её уговоры стали нашим ежедневным общажным ритуалом.

Во вторник вечером, свесившись с кровати головой вниз, она давила на святое, по её мнению.

— Лер, там будут все самые классные парни универа. Хватит тухнуть за конспектами! Тебе нужно просто расслабить-

ся, выпить чего-нибудь вкусного и потанцевать, пока мы не превратились в двух пыльных старых дев!

— Я лучше побуду пыльной девой с зачётом по макроэкономике, спасибо.

В среду утром в ход пошёл гастрономический аргумент. Майя ходила за мной с зубной щёткой во рту и вещала:

— Они заказывают гору еды из лучших ресторанов! Там будет огромный шведский стол, наши животы не простят нам этого упущения. Мы бедные студенты, Лер, наш предел – это сосиски по акции и лапша быстрого приготовления. Мой желудок скоро забудет, как на вкус нормальная еда. Пошли хотя бы ради пиццы!

В четверг начался откровенный шантаж. Она преградила мне путь к двери, сжимая в руках губку для посуды.

— Я буду мыть нашу комнату целый месяц. И полы, и окна. Я даже вычищу ту полку в холодильнике, к которой все боятся прикасаться! Сама!

— Май, ты свою собственную кружку с понедельника не мыла, — со вздохом обошла я её. — Смирись. Я не поеду.

Я держала оборону как могла. У меня была проблема посерьёзнее вечеринок. Мне нужно было обсудить проект.

***

Дважды за эту неделю я пыталась поговорить с Каем. И дважды это оборачивалось катастрофой.

Первая моя попытка состоялась в столовой. Когда я зашла, а он уже выходил, видимо, решив, что сегодня столовая

с её пюре и котлетой – не его уровня заведение.

— Кай, нам нужно определиться с концепцией предпри… — начала я, но…

Он даже не повернул головы. Просто вышел из столовой, как будто я была прозрачным пятном на обоях. А я подумала, что не побежала бы за ним, даже если моё отчаяние станцевало чечётку на костях моей гордости.

Второй раз я увидела его в главном холле в четверг после пар. Он был один, и я решила, что это просто отличная возможность, чтобы пытаться говорить с ним по-человечески. Терпение было на исходе, а под насмешки его друзей я бы вряд ли смогла выразить свои мысли без агрессии.

Сделала глубокий вдох, догнала широким шагом и решительно встала прямо на его пути. Ему пришлось остановиться, чтобы не снести меня.

Он замер. Медленно опустил на меня свой фирменный вымораживающий взгляд. Вблизи его тёмно-каштановые волосы казались почти чёрными, а глаза – двумя кусками тёмного льда. От него по-прежнему пахло горьким льдом и тем, что выводило меня за доли секунды. Издевательским равнодушием.

— Кай, давай обсудим наш проект, — начала я без приветствий, стараясь говорить твёрдо, хотя от напряжения и его давящей энергетики мне очень хотелось зажмуриться и растереть плечи, потому что кожу в этих местах словно сводило из-за его близкого нахождения. — Нам нужно соста-

вить план, выбрать сферу, обсудить стратегию. Я тоже не горю желанием общаться с тобой, но ты сам выбрал меня в пару, а теперь бегаешь от меня! Не знаю, что ты задумал, но если мы не выполним этот проект, плохо будет нам обоим.

Конечно, тут я преувеличила, потому что плохо будет мне одной, как ни крути, и он наверняка это отлично понимал.

Кай молчал, разглядывая меня с ленивым любопытством, словно слюну под микроскопом. А потом приподнял брови и усмехнулся. И почему его усмешки всегда настолько наиграны, что нагоняют лишь жути. Этот человек вообще умеет искренне смеяться? Не похоже, чтобы его правда веселило чужое замешательство или стыд. Нет, это не веселье, это скука и пресыщенность.

— Бегаю от тебя? По-моему, кто-то думает, что мир вертится вокруг него. Мой мир*. Правильно, разочарую тебя. А теперь – уйди с дороги, грязноглазая и надоедливая, у меня нет времени на твоё нытьё.

Он уже сделал полушаг в сторону, но я опередила его и снова встала на его пути. Ещё ближе. Наверное, мне показалось, что так мои слова воспримутся… просто воспримутся. О чём тут же пожалела, ведь чуть не задохнулась его запахом, который словно схватил меня за горло.

— Я понимаю, что для тебя этот проект очередная шутка и повод поиздеваться, — мой голос дрогнул от злости и спазма в горле. — Но у меня нет богатых мамы и папы, которые купят мне диплом и решат все проблемы по щелчку паль-

цев! Своё бюджетное место я выгрызала зубами, бессонными ночами, потом и кровью. Для меня эта оценка – вопрос выживания здесь. Поэтому хватит вести себя как мстительный придурок, и давай просто сделаем это. Мне жаль, что я пролила на тебя кофе. Но это всего лишь кофе. А ты ставишь на кон мою жизнь!

Я тяжело дышала, глядя прямо в его нечитаемое лицо. Всего на секунду мне показалось, что сейчас-то он согласится на встречу и всё будет хорошо. Всего на долю секунды его взгляд перестал пускать холод. Но потом он резко наклонился ко мне и схватил за подбородок пальцами такой хваткой, от которой я ошарашенно застыла. Теперь его лицо находилось в считанных сантиметрах от моего, и ментоловое дыхание било прямо по кончику моего носа.

— Твоя социальная драма должна выбить из меня слезу? — его бархатный баритон упал до гула, проникающего под самую кожу. — Запомни. Мне плевать на твои проблемы и на этот проект. Читай по губам: пле-вать. Услышала? Вижу, что услышала. Разбирайся сама.

Он чуть оттолкнул моё лицо большим пальцем и обошёл меня, оставив стоять посреди шумного коридора с горящими от унижения щеками и дико колотящимся сердцем. Я ещё долго не могла отмереть. Потому что я впервые в жизни ощутила себя настолько беспомощной из-за того, что кто-то ко мне прикоснулся. Не кто-то, а Он ко мне прикоснулся. Мне казалось, посмотрись я в зеркало, увидела бы обуглен-

ную плоть от его пальцев на моём лице, или почерневшую от обморожения, так сильно жгло это место.

Осознание того, что именно происходит, накрыло меня с головой. Он не собирался выполнять этот проект. Не собирался подставлять меня с ним или мучить ожиданием. Потому что он вообще ничего не собирался. Изначально. Он изначально хотел просто кинуть меня. Ему плевать, ведь, несмотря ни на что, его будут продолжать «уважать и любить», и именно я в глазах преподавателя потерплю провал, как новичок.

И подумав, что у меня остался единственный выход, я наведалась к Аркадию Ильичу, чтобы ещё раз попытаться выпросить себе другого напарника. Используя все самые разумные и правдивые аргументы.

Но он остался непреклонен. Впрочем, этому у меня удивиться не получилось.

— Повторюсь, Кай один из лучших на вашем факультете. И я не верю, что он мог оставить такую прелестную девушку одну для выполнения исключительно совместного задания. Валерия, возможно, стоит найти другой подход, а?

Не знаю, как сдержала истерический смех при мужчине. Другой подход? Например, на асфальтоукладчике за ним погоняться? Или подловить в тёмном переулке, огреть по голове и, утащив в общагу, приковать к батарее. Интересно, при угрозе жизни он бы стал сговорчивее?

Сегодня пятница. И я ни разу не вижу его в стенах уни-

верситета. Зато повсюду гудят разговоры о его вечеринке.

Уже вечером на выходе из университета я снова это слышу.

— Ты идёшь на пати у Кая?

— А ты получила приглашение?

— Не совсем. Но один парень обещал, что проведёт меня…

Проведёт… Это вечеринка у студентов или приём у короля?

Моя усмешка держится недолго. Сползает, как только в голову приходит идея. Сомнительная, но идея. Или отчаяние постучалось в мою бедную голову.

Я знаю, что алкоголь изменяет мозговую деятельность. Клетки отмирают, мыслительный процесс затормаживается, расслабляет нервную систему. Возможно, угрожать Ледяному королевичу всё-таки не придётся. Если он выпьет, и я попытаюсь ещё раз, так и быть переступлю через себя и разбужу в себе первоклассного дипломата, то, может, получится убедить его в совместной работе… прямо на этой вечеринке?

Глава 6

Загородный коттедж Северова больше похож на элитный загородный клуб, чем на просто дом.

Мы стоим с Майей в дверях огромной гостиной, оглушённые бьющими по рёбрам басами, и я чувствую себя так, словно меня сбросили с парашютом на другую планету.

Здесь даже пахнет как-то по-особенному. Мне абсолютно незнакомо.

— Вау… — выдыхает Майя.

И я с ней, к сожалению, согласна. Не подумала бы, что во не может вызвать столько чувств чьё-то жилище.

Мне становится не по себе. Я и так знала, что мы с Северовым из разных вселенных, но сейчас эта пропасть приобрела более чёткие очертания. Я как будто окончательно осознала, к какому слою общества он принадлежит. Для такого, как он, правда нет границ и законов. Для людей с его возможностями, образом жизни такие, как я, и правда просто надоедливые грязные мухи, недостойные снисхождения и понимания. Это закон природы, и сейчас я как никогда чувствую эту разницу своими розовыми очками, которые грозятся треснуть стёклами внутрь.

Но именно это осознание парадоксально подстёгивает мою решительность. Я не дам ему испортить хоть один аспект моей жизни только потому, что он захотел позабавиться

от скуки в своём-другом мире. Мне просто нужно поймать момент, когда он выпьет достаточно, чтобы стал более разговорчив, но не настолько много, чтобы забыть, как держать в руках ручку и подписать наш договор.

Хотя… при втором исходе есть вероятность достать на него компромат и дальше действовать, применяя теорию шантажа. Пусть это будет планом Б.

Куча народа. Я вижу и некоторых ребят с нашего потока и просто студентов, которых видела в стенах университета, но также здесь много тех, кого я вижу впервые. Возможно, они даже не из нашего института. Парни и девушки смеются, танцуют, кричат, перекрывая музыку.

Я нервно одёргиваю короткую кофточку с открытыми плечами, пытаясь натянуть её хотя бы на сантиметр пониже пупка.

— Перестань дёргаться, а то сотрёшь ткань до дыр, — Майя шлёпает меня по руке и в очередной раз восхищённо оглядывает свою работу. — Эти вещи сидят так, будто на тебя я их и шила!

Она права, вещи очень красивые. Бежевые обтягивающие джинсы-клёш с бахромой на бёдрах визуально удлиняют мои ноги и округляют там, где нет, а изумрудная короткая кофта с длинными рукавами, тоже – клёш, подчёркивает мои торчащие ключицы. Хотя не уверена, что это плюс. Но…

— Май, они очень красивые, не спорю. И спасибо тебе ещё раз, пожертвовала частью своей коллекции. Но я чув-

ствую сквозняк в местах, которые обычно закрыты одеждой, — говорю я, стараясь держать спину ровно. Хотя позвоночник так и норовит загнуться, чтобы спрятать обтянутую грудь.

— Так надо, — шикает Майя, сама одетая ещё более откровенно – в короткое платье молочного цвета и интересного кроя. Но только ей всё это идёт, я же ощущаю себя несуразной субстанцией.

Мы протискиваемся к оборудованному бару, за которым работает настоящий нанятый бармен, ловко жонглирующий шейкерами. А вечеринка у Королевича действительно с королевским размахом. Чуть поодаль стоят столики со всеми теми вкусностями, которые так хотела попробовать Майя. И я не удивилась бы, разноси их по гостям официанты.

— Мне «Секс на пляже», — уверенно заказывает Майя. — А подруге…

— Апельсиновый сок, если можно. Со льдом и без сюрпризов, — быстро проговариваю, чувствуя себя неловко, если вообще можно так выразиться.

Кто-то удивится, если я скажу, что на подобных вечеринках ни разу не была, не говоря уже о ночных клубах?

Мы забираем бокалы и отходим к одной из стен оценить обстановку. В самом разгаре процесса я замираю, округлив глаза. На соседнем диване девушка и парень буквально пожирают друг друга, игнорируя окружающих. Девушка практически залезла на парня с ногами, её юбка задралась до

неприличия, что я могу видеть фрагмент её нижнего белья.

— Боже, — быстро отворачиваюсь, прикрывая одну сторону лица ладонью. Громко шепчу Маей: — Неужели ей это нравится? Почему нельзя уединиться в комнате? Или хотя бы дождаться окончания вечеринки?

Майя прыскает в свой коктейль.

— Режим «зануда» активирован? Это студенческая тусовка, а не утренник в филармонии. Гормоны, алкоголь, молодость! Расслабься ты! Ну, или, на крайняк, не смотри.

Хочу кинуть что-нибудь о случайных зачатиях и проценте абортов как следствие таких вечеринок, просто потому что других аргументов у меня нет, и я понимаю, это мой выбор – прийти сюда и всё это наблюдать, но тут Майя замирает. Её глаза взволнованно расширяются, она судорожно поправляет свои кудри и, на ощупь найдя мою руку, трясёт.

— Лер, это он… — выдыхает она, кивая мне на противоположную стену, где компания парней громко общаются между собой. — Игорь. Я пойду, поздороваюсь. Дам знать, что я тут. Блин, он такой классный! Пожелай мне удачи!

— Удачи. Только не пей больше, — успеваю сказать я, но Майя уже растворяется в толпе, летя навстречу своему кавалеру.

Понимаю, кто из них, когда Майя подходит к рыжему кудрявому парню, весьма высокому и с развитой мускулатурой, и тот её с радушной улыбкой приобнимает. Наверное, я не слишком разбираюсь в парнях, учитывая мой нулевой опыт

в отношениях с ними, но мне кажется, что этот Игорь сильно переигрывает и выглядит при этом отталкивающе.

Оставшись одна, я глубже вдыхаю спёртый воздух. А теперь пора поискать главную цель моего визита.

Я медленно перемещаюсь из комнаты в комнату, стараясь держаться стен и не сильно отсвечивать. Не слишком хочется, чтобы кто-то знал, что я была на вечеринке у самого Его Величества.

Вечеринка набирает обороты. Разврата больше. Пьяных тоже. Кто-то уже спит. Две девушки танцуют на барной стойке. На террасе парни соревнуются в том, кто быстрее выпьет бутылку пива.

Я смотрю на это всё, и мне только сильнее с каждой секундой хочется помыться. Не понимаю, что может быть в этом весёлого, хотя занудой и ханжой себя до этого момента не считала.

— Привет, скучаешь?

Мне преграждает путь высокий, раскачанный парень в расстёгнутой на три пуговицы рубашке. От него несёт текилой и приторным одеколоном, который рождает ком тошноты в желудке. Но не это самое отталкивающее в нём, а откровенный блеск похоти в глазах и уверенности, что я соглашусь на всё, что бы он ни придумал.

— Не особо, — заторможенно отзываюсь от неожиданности. Хочу обойти парня, но он перекрывает мне путь игриво и улыбается шире, плотоядней.

— Увидел тебя и подумал, почему такая милашка и одна? Давай я тебя спасу! Пойдём наверх, покажу тебе…

— Что? — раздражаюсь, но стараюсь говорить как можно более спокойным тоном, чтобы не нажить проблем. — Статистику по венерическим заболеваниям в Московской области? Спасибо, я уже ознакомилась. Учитывая твою координацию и запах, у тебя вторая стадия алкогольной интоксикации. Если пойдёшь наверх, то только для того, чтобы заснуть лицом в ковёр. А у меня тут ещё пара дел. Освободи проход, пожалуйста.

Парень зависает, пытаясь переварить услышанное. Его затуманенный мозг явно не справляется с длинными предложениями. Пока он моргает, я подныриваю под его рукой и быстро ухожу в соседний зал, похожий на бильярдную.

И тут же замираю.

А вот и он. Кай Северов.

Он обнаруживается сидящим на диване в дальнем углу комнаты, в компании своих верных друзей и двух очень навязчивых девушек. Одна из них у него на коленях. Уточнение: это не Диана Малышева.

Я отступаю в тень высокого фикуса и пытаюсь оценить их компанию.

Справа от него сидит тот самый Лебедев, блондин, который паясничал на лекции. Его зовут Андрей, насколько я поняла. У него на скуле вьётся татуировка, он громко смеётся, размахивая стаканом с коричневой жидкостью, и явно чув-

ствует себя хозяином жизни.

Слева от Кая, опираясь о бильярдный стол, стоит Макар Леницкий. Высокий, худощавый брюнет с коротко стриженным ёжиком волос и тёмным острым взглядом.

Но взгляд, как всегда, больше всех притягивает Северов.

На нём белая свободная рубашка с закатанными до локтей рукавами и голубые джинсы. Он выглядит так, словно диван – это трон, а все остальные – жалкие смертные людишки, приползшие к нему на аудиенцию.

Одна из девушек, брюнетка в коротком красном платье, гладит его по бедру и что-то шепчет на ухо. И Кай почти не обращает на неё внимания, но и не прогоняет со своих бёдер. Он продолжает переговариваться со своими друзьями и ещё парой парней, и даже смеётся в какие-то моменты. Но всё равно это не выглядит искренне, на разрыв. Как машина. Бесчувственная. По инерции.

Трезвый. Чёрт.

И тут, в процессе разговора, Кай лениво скользит взглядом по комнате.

Его глаза останавливаются точно на том месте, где стою я. И фикус.

Он увидел меня? Узнал?!

Моё сердце делает кульбит и с размаху бьётся о рёбра. Я вжимаюсь в стену, инстинктивно отступая назад, ближе к другим людям. В надежде, что полумрак и растение сделают своё дело. Даже представлять не хочу, как бы это выглядело

в его глазах. Я, в его доме, наблюдающая за ним из-за цветка. Как какая-то ненормальная.

Нервозность накатывает горячей волной. Говорить с ним сейчас я точно не готова. Он слишком трезвый. Слишком сильно похож на себя обычного.

По пути побега оставляю свой недопитый сок на одном из столиков и почти бегом направляюсь вглубь коридора. Мне нужно выдохнуть и немного подумать, как вести себя с ним.

Вижу дверь с табличкой санузла.

Резко распахиваю её и почти влетаю внутрь, но замираю в проёме, застав плачущую навзрыд девушку. Она сидит на борту ванны и размазывает тушь по лицу, судорожно всхлипывая. И даже не сразу замечает меня. А вот и девушка хозяина дома.

Глава 7

— Диана? — шокировано выдыхаю, делая шаг вперёд. Признаю, немного теряюсь, потому что никак не ожидала увидеть что-то подобное. Насколько я могу анализировать сейчас, девушка и правда сильно подавлена. И у меня инстинктивно включается женская солидарность и просто человеческое сострадание. — С тобой что-то случилось? Может, нужна какая-то помощь?

Девушка вскидывает голову, кривится и сипло выплёвывает:

— А тебе-то какое дело? Что ты тут вообще делаешь? Выйди!

Так. Ладно. Мы с ней далеко не подруги, да и настроение Дианы Малышевой явно лежит где-то на полу, и её реакция на мой вопрос вполне ожидаема. Поэтому я не сдаюсь. Подхожу ближе и быстро достаю салфетки из маленькой сумочки, висящей через плечо. Протягиваю ей.

— Возьми, у тебя тушь размазалась.

Диана всхлипывает и весьма раздражённо выдирает из моей руки салфетку. Вспоминаю хозяина этого дома. Как он сидел на диване, а на нём – девушка в красном платье. Помимо этого, я вспоминаю рассказ Майи о другой девушке, и в голове вспыхивает мысль, которая разжигает во мне протест и желание мстить, хотя ничего ещё неизвестно.

— Этот Кай тебе что-то сделал? Обидел тебя? Сделал что-то хуже? Если это так, то ты не должна молчать! — произношу скороговоркой, уже готовая бороться за справедливость в этом мире. Откидывать такой факт, как обвинение в насилие, никак нельзя, когда его названная девушка сидит в слезах и почти истерике.

Но мой пыл быстро тушат. Диана вскакивает с ванны и толкает меня в плечи так, что я чуть не валюсь на пол.

— Совсем больная?! Не смей что-то говорить о моём парне, дрянь! Если кому-то скажешь, что видела меня тут, тебе не жить. Свали!

Дверь ванной глухо захлопывается за моей спиной. Я стою в тишине маленькой комнатки, прислушиваясь к тому, как за стеной долбит музыка и удаляются шаги. И переваривая только что произошедшее.

Так значит, всё-таки первый вариант. Северов вряд ли физически вредил ей. Вся драма в его связях с другими. Не может не шокировать её яростное желание защищать такого типа, как Он. Не понимаю этого. Да и не хочу разбираться в чужих отношениях, где на лицо прогрессирует, как минимум, ментальный абьюз. К чёрту их.

И не может не беспокоить, что уже второй раз за вечер я вспомнила нечестивого. О чём-то это должно мне говорить. Например, о том, что, возможно, стоит бросить эту затею, продолжать держаться дальше от главного демона университета и выпутываться из ситуации исключительно своими си-

лами. Другими путями.

Выхожу наружу и пробираюсь сквозь людей к свежему воздуху. Где Майя? А если она хорошо проводит время, имею ли я право тревожить ей сейчас?

Вздыхаю, решив дать себе ещё полчаса. После чего заберу Майю, и мы вместе уедем из этого места. Одну её здесь я не оставлю.

Огромная створка панорамного окна в дальнем углу сдвинута в сторону, впуская в дом спасительную ночную прохладу и хвойный запах.

У самого проёма, засунув руки в карманы узких джинсов, стоит знакомая широкоплечая фигура и задумчиво смотрит в темноту участка.

Марс. Мой немногословный сосед, и я сразу чувствую себя здесь не такой одинокой.

Подхожу к нему и тоже смотрю в ночную темень сада.

— Привет, — говорю чуть смущённо. И не знаю, откуда это. Наверное потому, что Марс очень… приятный. По крайней мере, на первый взгляд.

— Привет, — отвечает он более охотно, чем на лекции во время знакомства. — Тоже решила сбежать с корабля?

Жму плечами.

— Скорее, пришла за порцией кислорода. Здесь душно, слишком много народа.

Марс опирается плечом об оконную раму и с лёгким прищуром осматривает меня с ног до головы. В его карих глазах

мелькает удивление. И как будто интерес, отчего мои щёки загораются.

— А я тебя сразу и не узнал. Сегодня ты другая, — уголок его губ приподнимается в нормальной, человеческой улыбке. Может, эта одежда не так уж сильно мне не подходит. — Неожиданно видеть тебя здесь. Какими судьбами в логове Его величества?

Я невольно приглаживаю распущенные волосы, которые треплет ветер, и криво усмехаюсь.

— Пришла забрать его душу. Ну, или хотя бы заставить обсудить наш совместный проект. Ты же знаешь, что он выбрал меня в напарники. А теперь бегает от ответственности.

Марс выпускает скептичный смешок.

— Вряд ли. Он у нас просто стирает людей, когда они ему надоедают или не играют по его правилам. Ничего удивительного.

Я поворачиваю голову и внимательно смотрю на него. Уже второй раз замечаю, что как только тема заходит о Кае Северове, тон и лицо Марса становятся жёстче. Между этими двумя точно что-то произошло. Но мне никто об этом вот так не расскажет, верно? Возможно, Майя?

— Я слышал о случае в столовой. Так Кай прицепился к тебе из-за этого, или есть что-то другое?

Прицепился. Не очень радует слышать такое утверждение со стороны. Всё-таки внутри теплится надежда, что никто ко мне не прицеплялся. И всё происходящее одно большое

недоразумение. Ошибка. И меня никто не собирается сживать со свету за футболку и пару правдивых фраз.

— Уж не знаю, что у вашего Кая в голове… или, подожди, ты намекаешь?.. — поднимаю брови от пришедшей догадки смысла его вопроса. — Что между нами что-то было?

— Прости, — поднимает он ладони с виноватой улыбкой. — Всего лишь хотел уточнить для себя, насколько низко опустился Северов. И если причина травли первокурсницы только в пролитом кофе, то он бьёт свои же рекорды, понимаешь?

— Логично, — соглашаюсь. — И ты прав, причина только в этом. Поэтому я здесь. Чтобы донести до него, что небольшая перепалка не повод отравлять жизнь другому человеку.

Марс смеётся, с одобрением смотря на меня.

— Это будет сложно. Немногие осмеливаются отстаивать с ним свою правду. Но ты не сдавайся. Я буду болеть за тебя.

— Спасибо, — натягиваю улыбку, слова парня взбодрили, но не прямо так, чтобы сильно. Решаю тоже задать вопрос. — А ты? Что *ты* здесь делаешь? На паре мне показалось, что вы с Каем не ладите и всё такое.

— Это общая тусовка курса, — он пожимает массивными плечами, отворачиваясь к окну. Его интерес ко мне закончился так же быстро, как и начался. — Здесь все наши. Если бы я остался дома после его выпада на лекции, все бы решили, что меня волнуют его угрозы. А я не доставлю ему такого удовольствия.

— Вот как…

В этот момент моё тело почему-то резко напрягается, и затылок стягивает мурашками. И уже через секунду я понимаю, почему. Позади звучит низкий гулких голос.

— Какие интересные у меня гости, — ленивый тон, холод в каждой букве. — Марс. Кажется, ты перепутал двери. Выход на свалку с другой стороны дома.

Мы с Марсом синхронно оборачиваемся.

Прямо перед нами стоит Его Ледяное Величество. В одной руке у него зажат стакан с алкоголем, в котором плещется лёд, другая небрежно засунута в карман джинсов. Он выглядит абсолютно расслабленным и всё ещё ни капли не вовлечённым хоть во что-то. И всё ещё трезвым. Хотя, уверена, выпил он уже достаточно.

Дыхание немного перехватывает, как от резкого порыва ветра. Чувствую, тот разговор, который я ждала с момента прихода, уже берёт курс не в ту сторону. И я пока не знаю, как реагировать на его выпады. А в том, что они будут, я не сомневаюсь.

Но он снова не смотрит на меня. Его прозрачные глаза прикованы к Марсу. И всё-таки, мне удаётся разглядеть на их дне презрение.

— Кай, — Марс медленно выпрямляется, разворачиваясь к нему всем корпусом. Его широкие плечи, обтянутые свитером, каменеют. — Тебе даже в собственном доме заняться нечем, кроме как портить другим настроение. Мы тут с Ле-

рой просто общаемся, никому не мешаем, а ты снова тут как тут со своей жизненной миссией.

Только после этих слов Кай медленно, словно делая одолжение, переводит взгляд на меня.

Его глаза опускаются на мои открытые плечи, скользит ниже. Сердце останавливается, когда касается взглядом груди, живота. Но я держу себя от того, чтобы закрыться руками, потому что это похоже на рентген, излучение которого я ощущаю спазмами где-то в желудке.

Доходит до бёдер и возвращается к глазам. Марса.

— Общаетесь? Мило, — Кай делает пару неспешных шагов к нам, и его губы кривятся в жестокой усмешке. — Я думал, твой максимум – это пускать слюни и жаловаться на несправедливость жизни. Не заставляй меня выталкивать тебя отсюда пинками под зад, Марсик. Будет лучше, если ты выкатишься из моего дома сам.

Марс сжимает кулаки. Я вижу, как на его шее вздувается вена. Он делает шаг навстречу Каю, и я действую инстинктивно. Хватаю Марса за предплечье и равняюсь с ним.

— Марс, пожалуйста, не надо, — тихо и остерегающе. Как будто меня это касается, и я имею право его останавливать. Но если быть уж совсем честной, я никогда не могла смотреть на чужую боль. Как физическую, так и моральную. А судя по сгустившемуся воздуху, эти парни легко могли затеять и драку. Дело не в самом Марсе. Или не только в нём.

Кай резко опускает взгляд на мою пальцы, впившиеся в

парня, и его глаза необъяснимо темнеют, превращаясь в два куска мокрого асфальта. Конечно, он подумал о том же. Какого чёрта эта грязноглазая вообще вмешивается в разговор «взрослых», примерно так. Смотрит на меня с насмешливым удивлением, а я сама удивлена собой не меньше. Быстро одёргиваю руку.

Марс переводит дыхание, смотрит на меня и криво улыбается. Вот кого, кажется, не удивил мой жест.

— Ладно. Ты права, не буду опускаться до его уровня, — он демонстративно игнорирует Северова, кивает мне: — Увидимся в универе, Лера. Приятно было поговорить с кем-то нормальным.

Он проходит мимо Кая, едва не задев его плечом, и мы оба провожаем его взглядом. Северов безразлично, я – с лёгким беспокойством и… симпатией. Он не стал развивать ссору. Я считаю, что умение вовремя остановиться, отличное человеческое качество.

— Надо же, — звучит голос, ближе, чем я ожидала, и я вздрагиваю, резко вскидываю взгляд на ледяную маску. — А ты быстро нашла себе компанию, грязноглазая, — тянет он, делая глоток из своего стакана и глядя на меня сверху вниз, как на пятно на своём мраморном полу, которое собирается стереть. — Пришла на мою вечеринку. Вырядилась во все эти жалкие тряпки. Следила за мной из-за угла, но, когда поняла, что там ничего не светит, побежала жаловаться на жизнь первому встречному неудачнику. Надо было восполь-

зоваться кладовкой, чтобы никто не помешал. Там как раз место для подобного хлама.

Кровь приливает к моим щекам с такой силой, что кожа начинает гореть. Какое же он всё-таки… даже слова подходящего подобрать не могу. Всё будет звучать слишком мягко и неправдоподобно.

— Ты всех вокруг судишь по себе и своему окружению? — мой голос звенит от злости, я вскидываю подбородок, отказываясь показывать ему, как сильно меня задели его слова. — Представляешь, люди способны просто разговаривать друг с другом. Без желания с кем-то переспать, кого-то унизить или купить. Хотя кому я объясняю? Твой эмоциональный диапазон ведь ограничен размерами твоего кошелька и собственного эго!

Вместо того чтобы разозлиться, Кай вдруг усмехается. И нет, всё-таки алкоголь даёт своё действие. Только не так, как мне этого хотелось. На этот раз в его глазах мелькает что-то похожее на азарт. По-моему, в таком состоянии он ещё более безжалостный и непредсказуемый.

Он ставит стакан на маленький столик рядом и делает один плавный шаг ко мне. Я нервно отступаю на полшага назад, пока поясница не упирается в холодное стекло окна.

— Как интересно. И так заезжено. Удиви меня. Скажи, как сильно ты нуждаешься во мне. Ведь ты так мучаешься. Опасениями. А что будет, если… я не сдам этот проект, Кай не одобрит его, Кай уничтожит мою жизнь, меня лишат бюд-

жета, и я так и останусь бедной сироткой, которой так хочется учиться, — пародирует он жалостный тон и снова его губы криво изгибаются, бьют по моей нервной системе. — Попроси меня ещё. Вежливо. Попробуй сделать это на коленях. Может, тогда я сдамся и позволю тебе спокойно спать ночами. А может, нет. Гарантий давать не буду.

Я задыхаюсь от его слов. Во мне борется рациональность и эмоции. Одно давит другое. Я сглатываю и сглатываю рвущиеся слова. И всё-таки во мне побеждает что-то одно.

— Ты такой отвратительный… такой… отвратительный. Никогда не буду перед тобой унижаться. Даже под угрозой жизни. И я не сиротка.

Кай медленно обводит моё лицо мрачным взглядом. Ему так интересно наблюдать, как жертва бьётся, что он даже склоняет голову набок. Я там говорила что-то о препарировании. Кажется, сейчас именно это он со мной и делает.

— А кто говорит об унижении? Я называю это целеустремлённостью. Когда тебе что-то нужно, ты просто добиваешься этого. Без этого в нашем мире никак. Главное – найти подход. Ничего удивительного, что ко всем он свой.

Подход. Кажется, об этом говорил и Аркадий Ильич. Да они оба больные на голову человека. Неужели преподаватель тоже получает удовольствие от страдания других?!

Он делает ещё полшага, практически впечатывая меня в окно.

— Ко мне часто пытаются его найти через постель или

откровенную лесть. Возможно, тебе стоит попробовать что-то из этого, а, грязноглазая?

— Т-ты… — новая порция удушающего ледяного запаха, и я барахтаюсь в этих осколках льда, раздирая кожу, горло в кровь. Смертельно обидно, что все умные мысли пропали, остались одни пустые атаки, или скорее, щиты. — Этого никогда не будет. Утопиться будет приятней, чем… это.

Кай делает одно неуловимое движение, и вот наше дыхание встречается, а его холодные глаза смотрят прямо мне в душу.

— Так утопись, — выдыхает он, в этот момент я понимаю, что его дыхание пропитано шоколадом и алкоголем, а не как в прошлый раз – горькой мятой. — А я с удовольствием посмотрю. Уверен, ты слышала обо мне многое. И у тебя не появится сомнений насчёт моей любви к подобным зрелищам.

В этот момент мой мозг даёт необъяснимый сбой.

Он стоит так близко, что я вижу мельчайшие детали его лица. Тёмную крапинку у самого зрачка его серого глаза. Родинку на щеке. Мой взгляд непроизвольно падает на его рот. Сейчас его губы сложены в издевательскую кривую линию, будто высечены из того же льда, что и его сердце. Идеально ровные, гладкие, без единого несовершенства, словно он не живой человек. И в моей голове вдруг появляется абсолютно неуместная мысль: какие они на ощупь? Действительно ли такие ненастоящие и холодные?

Я моргаю, в ужасе от собственных мыслей.

Но поздно. Кай не упускает ничего. Он мгновенно замечает, куда именно я смотрела последние три секунды. Хочется стукнуть себя по голове. Хотя там и так сейчас фарш.

Уголок его губ медленно опускается вниз, и он выпрямляется. Словно получил то, что ожидал. И голос его становится снова самим определением равнодушия.

— Хорошая попытка, но всё ещё слишком слабо. Можешь потренироваться на Марсе, он не будет против.

Быстро ускользаю из-под его тени и становлюсь сбоку. Он лишь скашивает взгляд в мою сторону, пока я горю от ярости и… странного разочарования. Хотя я знала, что он за человек все эти дни.

— Искать подход к таким, как ты, – значит, не уважать себя. Зря я пришла сюда. Ты и правда ненормальный.

Мой взгляд падает на лестницу, ведущую на второй этаж, и я уже не вижу лица Кая. Того, как он усмехнулся.

Потому что по этой лестнице сейчас, спотыкаясь на каждой ступеньке и неестественно заваливаясь набок, поднимается Майя. Она в таком состоянии, что едва держит голову, а за талию её крепко обхватывает и настойчиво тащит наверх тот блондин Лебедев, друг Северова.

Сердце ударяется о рёбра от беспокойства и плохого предчувствия. Когда она успела так напиться? Что случилось? Куда он её тащит?!

— Майя!

ЛЕДЯНОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
УНИВЕРА Эл Рок

ЛЕДЯНОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
Эли Рок УНИВЕРА

Глава 8

Наплевав на всё, в том числе на то, как это смотрится, сломя голову бегу на второй этаж, перепрыгивая через ступеньку, пока сердце молотит где-то в горле.

В голове только и стучит беспокойство. Кай Северов и обвинения в насилии. Что может взбрести в голову его друзьям? Уверена ли я, что они *не такие*? Нет. Не собирается ли он воспользоваться её таким состояние? Что он сделает? Что будет?..

В длинном коридоре приглушён свет и несколько комнат, но я сразу нахожу нужную. Из-за неё доносятся голоса и даже грохот.

Толкаю дверь и замираю на пороге.

Застаю момент, когда Майя валится на большую кровать, или её валит этот парень, и сам он падает за ней, но успевает упереться руками в матрас.

Тут же слышится хихиканье Майи и приглушённые ругательства Лебедева.

— …веснушка. Ещё чуть-чуть и раздавил бы…

— Ну, скажи! — Майя пьяно хныкает, цепляясь за его футболку на груди: — Неужели я правда такая толстая и некрасивая?! Разве это так?!

— М-м, дай-ка подумать… ты ничего.

— Именно. Я классная и весёлая! Готовлю хорошо, у меня

есть вкус, в конце концов… И что за имя вообще «Игорь», скажи, а?..

Парень раскатисто хохочет, а я, так и не разобравшись, кто кого тащит в кровать, выкрикиваю на всякий случай:

— Убери от неё руки! Слезь с неё немедленно!

Подбегаю к кровати, вцепляюсь пальцами в футболку парня и со всей силой на адреналине дёргаю его на себя. Футболка трещит, Андрей от неожиданности теряет равновесие и валится на бок, ошарашенно смотрит на меня.

Выпрямляясь и тяжело дыша, я замечаю, что у стены, прислонившись плечом к дверному косяку, скрестив руки на груди, стоит Кай. На лице скептичное выражение, словно он увидел что-то до одури интересное, но это настолько не вписывается в картину его мира, что он даже не верит, что такое может происходить.

А вот в моём может. Неважно, кто этот парень и насколько он хорош собой, он не имеет права распускать руки, когда девушка в полной степени этого не осознаёт.

Тем временем Майя в непонимании хлопает глазами, а Лебедев соскакивает с кровати и сразу отходит на пару шагов, насмешливо глядя на нас.

— Зачем ты привёл её сюда? Что хотел сделать? Хотел грязно воспользоваться состоянием девушки? Как это низко, — выдыхаю со злостью и отвращением, заслоняя Майю собой.

— Да больно надо, — фыркает блондин, расправляя на

своей широкой груди помятую футболку. Со смешком переводит взгляд на Майю, которая с трудом принимает сидячее положение и пытается сфокусировать на нём взгляд. — Подружка твоя – ходячий аттракцион. Я её до спальни дотащил, чтобы она на почве разочарования в любви не пала в битве за право станцевать на столе. Голышом. А из меня уже извращенца сделали.

— Он сказал, что я жирная уродина! Я должна была доказать ему обратное!

— Ну а я о чём, сумасшедшая, — подмигивает Майе блондин.

А я моргаю, переваривая услышанное. Танец на столе? Разочарование в любви? Так он не собирался делать ничего плохого, а, наоборот, помог Майе?

Невольно кошусь в сторону Кая. И он усмехается, глядя мне в глаза. Прямо, пронзительно.

— Догадываюсь, благодаря чьим заслугам тебя в них записали, Дрю, — смотрит на меня, но говорит своему другу. И всё-таки мне – спокойно, раздражающе насмешливо: — Тусовки – не ваше, увы. Одной хватило пару стаканов, чтобы потерять человеческий облик, вторая бегает с видом спасателя Малибу. Вы бы лучше дома сидели, мышки. С книжками.

— Согласен, — усмехается Лебедев. Он проводит ладонью по растрёпанным светлым волосам и смотрит на Майю с откровенным весельем: — На ваше благо. Хотя такой цирк

мне по душе. Платить не надо и места в первом ряду.

Я чувствую, как щёки нещадно обжигает стыдом. Да, Майя перебрала. И да, я была не права в своих суждениях и реакциях. Парень хотел помочь, а я накинулась на него, едва ли не с кулаками, хотя являюсь ярой противницей физического насилия в любой ситуации. Да, отчасти из-за того, что слышала о Кае Северове.

Но разве обязательно делать из этой ситуации что-то настолько унизительное для меня и Майи?

Вздёргиваю подбородок, собирая последние крупицы достоинства.

— Мы не собирались устраивать цирк, всё это просто недоразумение, и допускать подобное ещё хоть раз мы не собираемся. А теперь, пожалуйста, дайте нам несколько минут. Кай, ты ведь не против, если мы воспользуемся этой комнатой, чтобы прийти в себя? Потом мы сразу уедем, обещаю.

Сказать это тому, кого я душой не переношу, всё равно что выпить яд. Но я сдерживаюсь и, верю, произношу это, даже не поморщившись.

Кай оглядывает меня сверху вниз, задерживает взгляд на моих напряжённых плечах, и чуть заметно усмехается.

— Конечно, — протягивает он с ленивым великодушием хозяина, дарующего милость. — Очень бы хотелось вас *не оставлять*, но раз ты просишь – придётся нам вернуться к зрелищам менее увлекательным.

С этими словами, под смешок Лебедева, они выходят и

закрывают за собой дверь, отрезая нас от всего остального.

Я ещё секунды две стою, горя от гнева и позора. А потом выдыхаю эти разъедающие кровь эмоции и быстро оглядываюсь. Комната большая и… стильная, это всё, что я могу о ней сказать. Здесь никто не живёт, она совсем безликая. Как номер в отеле. Перевожу взгляд на чихнувшую Майю и делаю два спешных шага к ней.

— Май, ты как? Когда успела так напиться? Как себя чувствуешь?

— Лер... — губы Майи капризно надуваются, она пытается встать, упираясь ладонями в покрывало, но падает обратно: — Он сказал... что я милая... а потом я думала, он меня поцелует, а он… назвал меня… и прости за…

Понимаю, что расспросы сейчас бесполезны, и в первую очередь нужно хоть немного привести подругу в чувства.

— Так, вставай, пойдём хотя бы умоемся, — наклоняюсь к ней, подхватываю под подмышки и тяну на себя. Благо к этой комнате прилегает ванная комната, её я вижу из распахнутой настежь двери справа у окна.

Майя делает резкий вдох, её лицо мгновенно бледнеет.

— Ой... — только и успевает выдохнуть она.

В следующую секунду её выворачивает прямо на меня.

Горячая, тошнотворно пахнущая масса накрывает мою кофточку, плечи, часть волос и джинсы…

В полном ужасе я замираю, боясь даже вздохнуть. Майя же, закашливаясь, оступается валится обратно на подушки,

зажмуривается, закрывая лицо ладонями и бормоча в них:

— Прости, Лер... больше никаких вечеринок... никаких парней… завязываем... Прости-и-и…

Укладывается поудобней, а я начинаю задыхаться.

Паника и безысходность накатывают удушливой волной. Сдерживая собственную тошноту, я на цыпочках осторожно, чтобы не замарать ковёр и что-то ещё, бегу в прилегающую в ванную. Закрываюсь. И начинаю судорожно сдирать с себя одежду и скидывать её в ванну, пока ещё удаётся сдерживать желудок.

Промокает всё. Даже бельё. И в этот раз я вполне осознанно и с охотой призываю чёрта.

Захожу за стеклянную створку под душевую лейку и выпускаю на себя водопад, испытывая облегчение. Нахожу какой-то гель, втираю его в кожу. Смываю косметику, вспениваю волосы. Застирываю одежду. А в голове проматываю варианты того, как мне быть дальше.

Наверняка Майя уже крепко спит. А я голая, совсем без одежды. В доме Его Ледяного Величества.

— Чёрт, чёрт, чёрт! Как же так… чёрт бы побрал меня за идею прийти сюда! — шепчу, смотря на своё отражение в наполовину запотевшем зеркале и придерживая единственное найденное полотенце здесь из того, чем могу прикрыться.

Варианта всего три:

– найти хозяина дома и попросить у него какую-то одежду;

– ехать домой в чём мама родила и немного в полотенце;

– одолжить одежду самой, не уведомляя об этом хозяина дома;

Больше всего мне, конечно, нравится третий. Ведь в первых двух есть риск прославиться на весь университет. И, увы, не как его гордость в лучшем смысле. А учитывая нашу небольшую войну с Северовым, которая ещё не успела как следует стать достоянием слухов, но вполне может повернуть со всей этой ситуацией не в мою пользу, рисковать мне совсем не хочется.

Возвращаюсь в спальню. Мокрая и всё ещё немного кислая одежда висит на борте ванны и змейке, Майя беспробудно храпит на кровати. А я готова закричать от того, в какой ситуации оказалась.

Никогда… никогда со мной… Ведь для чего-то я соблюдаю режим сна, слежу за здоровьем и с разборчивостью отношусь к разного рода развлечениям.

Прошёл как минимум час. А вечеринка как гремела, так и гремит.

Переступив с босой ноги на босую ногу, я решаю.

Аккуратно приоткрываю дверь спальни. В коридоре относительно тихо, снизу доносятся голоса и гул музыки, но здесь слава богу темно и пусто.

Судорожно сжимая пальцами край полотенца, на негнущихся ногах, воровато оглядываясь, я крадусь вдоль ковра. Сердце колотится о рёбра как бешеное. Если меня кто-то увидит в таком виде... если это будет Кай… я просто умру.

Умру, честное слово!

Первая дверь заперта. Вторая – открыта. В Она похожа на «нашу», и в ней ещё более пусто и мёртво.

Подхожу к следующей двери. Осторожно берусь за холодную ручку, аккуратно толкаю её внутрь и…

Воздух выбивается из лёгких.

Комната погружена в полумрак, освещаемый лишь тусклым ночником. У изголовья кровати, спиной к двери, стоит Кай. Он почти полностью голый. Его широкая, мускулистая спина, сжатые ягодицы и напряжённые бёдра движутся в яростном, бешеном ритме. Он толкается сзади в стоящую на коленях, прогнувшуюся в пояснице девушку. Хватает её за шею. Словно душит. И в растрёпанной, наполовину оголённой блондинке я мгновенно узнаю Диану Малышеву.

Девушка впивается пальцами в его руки и сдавленно кричит, закидывая голову назад.

Это похоже на экзекуцию. Животную и уж точно ненормальную, а не на занятие любовью. Неудивительно, что это чудовище ничего не знает о нежности и осторожности. Но только мне кажется всё это – неадекватной дикостью, потому что дальше звучит это:

— Ещ-щё… Я люблю тебя, Кай… всё для тебя с-сделаю… всё…

Впадаю в абсолютный ступор, когда он толкает её от себя и начинает двигаться ещё более жестоко. Не могу сдвинуться с места и вдохнуть. Глаза отказываются закрываться.

Лихорадочный мозг против воли фиксирует каждую деталь этого зрелища. Силуэты его мышц, то, как они перекатываются при каждом движении, мощные татуированные плечи, мокрые от пота. Хлёсткие шлепки, хриплые вздохи…

В животе закручивается тяжелый тошнотворный узел. Вся кровь приливает к щекам, мне становится невыносимо, дико жарко и одновременно душно до темноты перед глазами.

И только когда Северов делает резкое движение головой, словно хочет обернуться, я отрываю себя с места, разворачиваюсь и со всех ног несусь к своей комнате.

Щёлкаю замком и прижимаюсь спиной к двери, судорожно пытаясь вдохнуть.

В голове настоящий Ад. Порочная картина перед глазами, выжженная, кажется, на сетчатке. Животное. Бездушное чудовище. А Диана Малышева – просто мазохистка, любящая Кая Северова и унижения. Вот и всё. Отвращение смешивается с тяжестью где-то под ложечкой, от которой хочется вымыться изнутри.

Подхожу к кровати и тормошу Майю.

— Май, вставай! Давай быстро уедем отсюда. Я прошу тебя!

Но подруга лишь что-то мычит на мой лихорадочное бормотание.

От отчаяния уже хочется не просто кричать. Хочется выть. Падаю на кровать рядом и запускаю пальцы в волосы.

Но мозг никак не хочет выдавать мне хоть что-то адекватное и полезное. Там только *это*. Только самая вопиющая в своей абсурдности ночь в моей жизни.

Никогда…

Но никогда не говори никогда. Никогда не было хуже? Но разве такое возможно? Кажется, я только начинаю познавать всю обширность насмешек судьбы.

До утра я так и не смыкаю глаз нормальным сном, проваливаясь лишь в липкое, тревожное марево, как из вакуума слыша отрывками продолжение вечеринки.

А потому утро встречает меня невыносимой пульсирующей болью в висках.

Свет сквозь шторы говорит о том, что уже около восьми утра. Майя до сих пор спит без задних ног, тихо сопя в подушку. И как я завидую ей в этот момент, ведь она всё это время не ощущала, в каком заднем проходе мы оказались этой ночью.

Поднимаюсь с кровати, чувствуя себя так, словно по мне проехался грузовик. Аккуратно ступая, чтобы не растормошить мозг ещё больше, иду в ванную проверить одежду.

Бельё я натягиваю. А вот джинсы и кофта всё ещё весьма влажные.

Меня накрывает отчаяние. Я не могу сидеть здесь вечно. Надо спуститься, найти утюг, фен, какую-нибудь сушилку, да хоть чью-то забытую толстовку! Таблетку обезболивающего, в конце концов. Главное – выбраться отсюда и не за-

студить себе всё при этом. Наверняка после этой ночной вакханалии все ещё спят.

Быстро умываюсь ледяной водой, поправляю полотенце, проверяя, надежно ли оно держится на груди, и тихо приоткрываю дверь.

В доме гробовая тишина. Слышно только, как тихо гудит техника.

Сжимая край полотенца одревесневшими пальцами, я уже знакомо крадусь по коридору, стараясь не вспоминать то, что увидела вчера в одной из комнат. Скатываюсь по лестнице, прижимаясь к перилам, и бегом устремляюсь в сторону кухни.

Там точно должно быть что-то из аптечки. Возможно, поблизости будет прачечная или что-то типа того. Где хранятся сушильные приборы и бытовая техника в таких домах? Вряд ли Северов чем-то из этого пользуется сам. А если такого здесь вообще не существует?..

Наверное, я сильно разгоняюсь, ощутив прилив адреналина и надежды. Наверное, слишком сильно ухожу в свои мысли. Или пульс зашкаливает так, что закладывает уши. Ведь как иначе объяснить то, что…

Я залетаю за поворот кухни и становлюсь свидетельницей беседы двоих.

— …устроил?! Тебе мало всех этих слухов? Ты подумал о…

Кай. Свежий, идеальный, словно и не развлекался всю

ночь, в чистой чёрной футболке и джинсах, с привычным ледяным выражением лица. А напротив него высокий, статный мужчина средних лет в идеальном строгом костюме. У него такие же острые черты лица и такой же тяжёлый, придавливающий взгляд. Только голос не бархатный и безжизненный, а стальной и слишком наполненный эмоциями. Его отец.

И сейчас они обрываются на полуслове. Из-за меня.

Кай резко поворачивает голову в сторону прохода и впивается в меня прозрачными, пронизывающими глазами. Его серые радужки сужаются до точек.

Мужчина же медленно переводит взгляд с парня на меня. И неспешно с интересом оглядывает с ног до головы.

Меня. Растрёпанную, босую, стоящую посреди их кухни в одном коротком махровом полотенце.

Глава 9

Мои глаза не могут даже моргнуть, а лёгкие впустить хотя бы каплю воздуха. Держась за узел на груди как за спасательную ветвь, смотрю на Северова в поисках малейшей подсказки или помощи, забыв, кто он такой, и что ждать чего-либо от этого парня вообще-то не стоит. Но он лишь красноречиво замораживает глазами в обещании чуть позже за это обязательно вытрясти из меня душу.

Беги! Беги! Уноси ноги сейчас же!

Не-могу-не могу-не-могу… инстинкт самосохранения и критическое мышление сдохли под тяжестью шока.

Мужчина разворачивается ко мне всем корпусом и ещё раз цепко осматривает с ног до головы. Приподнимает вопросительно брови.

— А вы?..

— Валерия Романова, — поспешно зачем-то представляюсь вместо того, чтобы сказать, что всё это просто недоразумение, и убежать прежде, чем кто-то успеет запомнить моё лицо.

Но у отца Кая ещё более ужасающая аура, чем у него самого. Знать, что этот человек щелчком пальцев может сломать жизнь и купить закон, не слишком успокаивающее знание. Всё в нём кричит о непомерной власти. От сверкающих запонок до безгранично тяжёлого, бесстрашного взгляда. Под

ним невозможно чувствовать себя свободным, полноценным человеком.

— Валерия Романова… — задумчиво повторяет мужчина и переводит взгляд на Кая, вмиг ожесточившись. — Твоя девушка?

Всё-таки я начинаю тихо задыхаться, когда в глазах Северова что-то щёлкает. Что-то, что мне очень не нравится. И что-то, отчего вся жизнь пролетает перед моими глазами. Его лицо всё такая же ледяная маска, только глаза буквально сверкают всем самым адским. Говорящим голосом из преисподней, что я совершила огромную ошибку, за которую мне придётся прямо сейчас расплачиваться.

Почему ты молчишь?! А я?!

— Я не… — пытаюсь.

Но тут же оказываюсь оборванной новыми вопросами.

— Откуда ты? Кто родители?

— Я…

— Это не имеет значения, — наконец, звучит сам Его Вдруг Язык Проглотившее Величество, не отрывая от меня взгляда.

Мужчина кивает, словно сразу понимает, что я далеко не из их круга.

— И правда. Жду тебя с твоей девушкой в пятницу. И без сюрпризов, Кай. Ты знаешь, чем это чревато. Моё терпение на исходе. Как и *её*.

Что…

— Что? — трясу головой, сиплю ему вслед. — Подождите!

Но мужчина ничего не отвечает мне, словно я пустое место, проносясь мимо разъярённым смерчем, я только успеваю отскочить к стене, провожая его высокую фигуру ошалевшим взглядом.

А после резко поворачиваюсь к парню, потому что чувствую, как он нанизывает мою кожу на свои ледники.

— Как это? — хриплю, не в силах пока сделать и движения. Мой вид, ночная катастрофа, головная боль… всё отступило на фоне произошедшего. Только он, его отец и пятница, что бы это ни значило. — Что будет в пятницу? Что это значит?

Северов начинает медленно надвигаться, и я сильнее вжимаюсь в стену. Потому что он заставляет чувствовать за собой вину. Хотя я просто зашла не в ту дверь в неподходящее время.

— Какого ты здесь делаешь? Какого ты всё ещё здесь? — медленно осматривает полотенце, мои босые ноги, чуть заметно морщась. Цедя каждое слово с таким пронизывающим холодом, что по коже бегут мурашки. — В моём полотенце, на моей кухне, мать твою?

Он подходит вплотную и нависает сверкающей тёмной тучей. Практически шепчет мне в лицо:

— Ты хоть знаешь, во что ввязалась? И что я сделаю с тобой за это, а?

Так некстати в голове судорогой проносятся кадры того, что ночью он делал с Дианой Малышевой.

Боже.

Вздёргиваю подбородок и стараюсь говорить без страха, когда поджилки отчего-то всё же трясутся. Может, потому что я сама понимаю, произошло что-то, из-за чего моя жизнь повисла на волоске.

— Будь добр, объясни. Я тоже не слишком поняла, почему ты не стал отрицать, что я твоя девушка.

Он хватает меня за полотенце так резко, что я разом выплёвываю весь воздух из лёгких, и мой организм перестаёт функционировать совсем. Дёргает на себя за узел, что я становлюсь на цыпочки.

— Объясниться перед тобой? Знаешь, мне действительно было плевать на кофе и даже на твоё откровенное бесстрашие. Но сейчас… — дёргает ближе и почти касается носом моего, пока его вибрирующий голос царапает мне плечи. — Сейчас тебе придётся ответить за свою дурость так, чтобы мне это понравилось. Малейшая ошибка – и тебя нет. Несдача проекта покажется тебе приятным сном, грязноглазая.

Вцепляюсь в его плечи и пытаюсь отодрать его от себя. Но смотрится это как возня котёнка в пасти гризли.

— Ч-что ты имеешь ввиду? Отпусти…

И снова рывок, наши носы всё ещё не встретились, но от кончика моего до висков бегут искры, которые ослепляют. Запах… неожиданно я чувствую от него не лёд, впивающий-

ся осколками в лёгкие, а тёплый свежий бриз. Горячее дыхание пахнет крепким ч1ёрным кофе. Мои пальцы судорожно впиваются уже не в ткань футболки, а в кожу, наверняка оставляя следы и делая больно, но он даже не морщится.

— Ты будешь делать всё, что я скажу. Теперь понятно? Ты хотела вывести меня – ты меня вывела, какого-то хрена не уехав ночью в свою сраную общагу и попавшись на глаза моему отцу.

— Это вышло случайно! Я не собиралась, это…

— Твои проблемы, — бросает он ровно, а потом я замечаю, как его ноздри чуть заметно трепещут, словно он незаметно принюхивается. Смотрит на меня сверху, сузив глаза, и резко отпускает. — Иди оденься. И проваливай отсюда, пока тебя кто-нибудь ещё не увидел в таком прикиде со мной в комплекте.

Обнимаю себя руками, прикрываясь, покраснев до корней волос. Температура в моём теле всё не могла достигнуть кипения. Но когда эта льдина дальше, кровь в венах начинает бурлить.

— Не знаю, что происходит в твоей семье, но я точно не собираюсь выполнять твои приказы. Теперь понятно, в кого ты такая хладнокровная с… — сглатываю последнее, потому что рискую совсем растерять все свои принципы и воспитание. — Всё это просто огромное недоразумение, я этого не хотела.

Передо мной снова безэмоциональная машина. Устраша-

ющая в своей бесчувственности. Хотя где-то на дне всё ещё плещется ярость из-за разговора с родителем.

— Но, по-видимому, хочешь проверить предел моего терпения. Поверь, ты близка к нему как никогда.

Шумно дышу и лихорадочно раздумываю, как выйти из этой пока что патовой ситуации. Где-то на задворках маячит решение, но оно слишком призрачное из-за шаткости разума в стрессе. Кай Северов, он страшен, и его слова могут быть не просто пустыми угрозами. Я не могу так просто сбежать и обо всём забыть. Его отец, недовольство сыном…

— Что в пятницу? — вскидываю взгляд, пытаясь успокоиться и мыслить рационально. — Я нужна тебе, это так? Другие на эту роль не подойдут, судя по всему, раз ты не сказал о той же Диане. Теперь тебе нужно, чтобы я притворилась твоей девушкой, потому что отец недоволен разгульным образом жизни своего сына?

— В пятницу ты мне *не нужна*, но ты *будешь*, — так, словно видит будущее. — А свои теории оставь при себе.

Проглатываю колкость и выпрямляю плечи. Я же знаю себя. Я всегда найду выход из ситуации, даже если приходится иметь дело с чем-то лишь отдалённо похожим на человека.

Набираю воздуха в лёгкие и произношу на выдохе:

— Хорошо. Я согласна, чем бы это ни было.

Кай смотрит на меня исподлобья.

— Продолжай. Это ведь не всё, что ты хочешь сказать.

Киваю и скрещиваю руки на груди.

— Ты прав. Взамен ты сдашь со мной этот проект. Будешь работать со мной, делиться своим бесценным опытом. В общем и целом, сделаешь всё, чтобы я получила своё «отлично». Заметь, я прошу не так много за то, чтобы притвориться, будто влюблена в тебя. Для тебя это вообще ерунда.

— Какая умница. Ты не так безнадёжна, умеешь мыслить в верном направлении, — вибрирует его голос, и он делает плавные шаги навстречу, заставляя меня вновь отступить к стене. Его ответ если не шокирует меня, то очень сильно удивляет. Он… похвалил меня? Или… — Но только я здесь решаю, получаешь ты что-то взамен или нет. Зафиксируй это у себя в голове и впредь не вздумай ставить мне условия – съем.

Останавливается снова близко и медленно обводит моё лицо взглядом. Пока я делаю то же самое. Осматриваю его совершенные, неживые, холодные черты.

— Обглодаю до костей, — тихо-тихо, словно секрет. — Так что будь осторожна в своих ультиматумах и желаниях. Ведьма.

Выходит с кухни, а во мне словно разжимается пружина. Резко выдыхаю и пытаюсь проморгаться, чтобы пропала эта темная виньетка в глазах.

И на что я подписала себя?!

Глава 10

— Всё, я больше ни с кем не знакомлюсь. Никаких вечеринок, клянусь. Лер, прости меня ещё раз! Ещё тысячу тысяч раз! — умоляюще складывает Майя ладони, а потом закрывает ими лицо и стонет. — Господи, как же стыдно!

Невольно я смеюсь, хотя ситуация сама по себе, конечно, не очень смешная. Но кажется, сейчас только смех может нас спасти.

— Ладно тебе. Подумаешь, переночевали в доме Ледяного королевича, а потом я уехала в его вещах. Потом их можно будет продать его фанаткам и неделю как минимум питаться чем-то лучше лапши.

Да, исход шоковый, до сих пор дрожь по телу. Отнюдь, не приятная. Мои вещи слишком сильно пропитались рвотными массами, я так и не смогла их надеть. Уже собиралась плюнуть на всё и ехать в полотенце, но к тому времени очнулась Майя, до которой быстро дошёл масштаб нашего ночного позора.

Это она нашла Северова и выпросила у него для меня одежду. Не знаю, как у неё это получилось, что именно она ему сказала и с каким лицом он ей передавал вещи. И даже представлять не хочу. Натягивала на себя я их тоже не без труда. Чего стоил только один его запах, пропитавший ткани. О том, что они когда-то касались его тела, а теперь – меня, я

думала сквозь физическую боль. Это было просто ужасно.

Майя заливается хохотом, быстро кивая.

— Ага! А лучше оставим себе как бесценный экземпляр царского гардероба, будем устраивать выставки. Чем не перспектива долгосрочного заработка?

Прыскаю и быстро стягиваю с себя огромный чёрный свитер, а за ним и белые спортивные штаны на завязках. Откидываю вещи, как заразные, на письменный стол, и Майя тут же хватает кофту, держа за зеницу ока и с преувеличенным благоговением втягивает возле неё воздух.

— Ох, неужели так и пахнет Рай?

— Ты перепутала с преисподней, — усмехаюсь и сама резко выдыхаю носом, чтобы наконец извлечь этот запах из слизистых.

Залезаю в свои недорогие, но любимые и родные вещи и усаживаюсь удобно на кровати. Время близится к вечеру, завтра только воскресенье, а у меня ещё слишком много вопросов, чтобы сразу браться за учёбу. Странно, что после ситуации на кухне Северова головная боль так и не вернулась. Клин клином, получается. Хотя я однозначно выбрала бы головную боль, чем Его.

— По-моему, ты слишком категорична к нему, — жмёт Майя плечами, но натыкаясь на мой взгляд, поднимает руки вверх. — Знаю-знаю, он ведёт себя как козёл. Но посмотри на это с другой стороны. Ты всё ещё в универе, ничего по-настоящему плохого не случилось, а всё, чем он в тебя кида-

ется, это пустые угрозы и, о боже, игнором касаемо проекта.

— Так ты считаешь, я зря переживаю? И на самом деле он славный ангел?

— Я считаю, что он тебе нравится, поэтому и так сильно бесит.

— Что?!

От таких выводов я даже дышать перестаю и смотрю на подругу шокировано.

Майя снова капитулирующее поднимает ладони.

— Шучу-шучу! Я хотела сказать, что он не может так основательно не нравиться, если ты нормальная девушка с глазами, — видя моё скептичное выражение, закатывает глаза. — Просто старайся не думать о нём как об обычном смертном человеке. Он таковым и не является. И мы никогда не узнаем, что в голове у таких, как он. Богатых, знаменитых, красивых, востребованных.

— То есть я должна его ещё и пожалеть? Майя, ты серьёзно? Ты же знаешь, как он относится к людям. Почему мы должны закрывать глаза на это только потому, что он вырос с серебряной ложкой во рту?

— Не пожалеть, а просто принять как факт, что он другой. Его жизнь сильно отличается от нашей. Ты хоть задумывалась, как может утомлять такое внимание? Когда все от тебя что-то хотят, ждут, смотрят. Вспомнить только прошлый год. Все, кому не лень, снимали его на телефон, следили, пытались узнать подробности того, что произошло с той

девушкой. Пока он однажды не дал одному парню в морду только за то, что тот к нему подошёл. Его, конечно, всегда побаивались, но и людей вокруг было достаточно. Сейчас же к нему лишний раз боятся подойти, и правильно. Вот я сегодня нормально вежливо объяснила ситуацию, и он просто дал мне эти долбанные вещи, хотя мог послать. Да, конечно, насмешка была, но это и понятно. Я бы на его месте вообще в голос орала. Боже, ну вот мне снова стыдно!

Майя падает на кровать, а я на несколько секунд ухожу в мысли.

Пытаюсь обдумать её слова, но не могу согласиться даже на долю. Майя сама не может мыслить трезво, потому что он ей нравится. Это человеческая психология – идеализировать то, что нам хочется, что мы любим. Всё просто.

— И как у тебя язык повернулся сказать, что он мне нравится, — не хочу допускать, но в мой тон просачиваются отрицание и обида. — Мне нравится… другой человек.

— Кто?! — тут же забывает о головной боли девушка, резко садясь. — Кто-то из его друзей? Лебедев?

— Что? Почему сразу кто-то из его друзей? — недоумевающе дёргаю головой. — Конечно нет, ты их видела вообще? Кому они могут понравиться?

Теперь Майя шокировано округляет глаза.

— Ты точно с нашей планеты, Романова?

И вот снова это. Я закатываю глаза, а потом ещё и фыркаю. Как кобыла ей-богу.

— Я как раз хотела расспросить у тебя о нём. Его зовут Марс, и он из группы Северова. Мы познакомились с ним на той же лекции, когда нас с Каем назначили парой. Он как раз один из тех, кто его не переносит. В том числе поэтому он мне понравился. Он адекватный и очень приятный парень. Он – НЕ СЕВЕРОВ.

Майя давится смехом, заставляя меня нахмуриться.

— Подожди, то есть ты хочешь сказать, что Марс вроде как с твоей планеты и совсем не похож на Северова?

— Возможно… — осторожно предполагаю.

— Лер, его зовут Марс Северов! Он двоюродный брат Кая, ты откуда упала? Неужели не знала?!

На некоторое время я застываю с открытым ртом. Как это? Как я могла такое пропустить?

— Ты не шутишь?

— Да какие тут шутки? Тебе нравится совсем не похожий на Северова Северов второй. Но я вынуждена согласиться, общего у них мало.

Быстро моргаю и пытаюсь просто проглотит новую информацию. Ничего страшного не произошло. Майя права, это факт ничего не меняет. Марс – белое, Кай – чёрное, даже если в них течёт одна кровь. Тем более мой интерес – это просто интерес. Просто Марс единственный парень, который понравился мне с тех пор, как…

— Но скажу так, хоть Марс и не кошмарит никого, симпатичный и милый парень, он мне совсем не нравится. Слиш-

ком примерный, слишком положительный. Меня это отталкивает.

Промолчу о том, что как раз таких и надо выбирать. Хороших, спокойных, не ослеплённых своим эго. Пока ей нравятся такие как Кай или тот Игорь, будут случаться такие ситуации, как на вечеринке. Она будет разочаровываться в своих первых чувствах. Я и сама когда-то имела глупость и наивность обратить внимание на красивую картинку и взрывную харизму, отодвинув внутренние качества на задний план. Таких ошибок я больше не совершу.

— Май, я с ним просто общаюсь, вернее, говорила всего два раза, и он мне приятен, как человек и как парень. Это не значит, что я собираюсь строить с ним какие-то отношения. Может, ты мне лучше расскажешь, почему братья враждуют? На вечеринке они готовы были накинуться друг на друга, но Марс был умнее и просто ушёл.

— Неудивительно, — фыркает она. — Он просто трус. Когда все обвиняли Кая в изнасиловании, Марс стоял в первых рядах. На месте Северова-который-Кай я бы тоже возненавидела такого родственника. Это же самое настоящее предательство!

— Хм, — стучу пальцем по подбородку. — Но ты же не знаешь, как оно было на самом деле. И если Марс не поверил своему брату, возможно, тот действительно был виновен, тебе так не кажется? В ином случае Марс бы испытывал вину за ложные обвинения и пытался вернуть расположение до-

рогого человека?

— Вот именно, мы не знаем, как оно было на самом деле, поэтому лучше не копаться в этом. Тем более, если мы говорим хотя бы о нейтралитете и выполнении совместного проекта с Его Ледяным Величеством, то, возможно, тебе стоит воздержаться от общения с объектом его ненависти? Что ты вообще собираешься делать с этим дальше?

Я выпрямляюсь и прочищаю горло, собираясь с духом.

— Да… об этом. Так вышло, что в следующую пятницу мне нужно будет притвориться девушкой Кая. У нас с ним сделка. Я выполняю свою часть, он – надеюсь – помогает мне с проектом.

— Что ты сказала?!!

Для меня и самой удивительно, что я уже почти спокойно могу об этом говорить…

***

Продвигаясь сквозь ручьи студентов, спеша на следующую пару, я слышу родной голос и хмурюсь. Сердце начинает стучать неровно.

— Мам, я плохо тебя слышу. Что с твоим голосом? С тобой точно всё хорошо? Как ты себя чувствуешь?

Мама прочищает горло и пытается говорить громче.

— Всё хорошо, не переживай за меня. Я спрашивала, как у тебя с деньгами? Тебе хватает или нужно отправить?

— Завтра я получу зарплату за эту неделю! У меня всё под контролем, в кафе платят хорошо, мам! — приходится по-

вышать голос, потому что кажется, что я залезла в пчелиный улей, в котором каждая пчёлка жужжит о своём. — Мам, мне не нравится твой голос. С тобой точно всё хорошо? Может, мне на выходных приехать?

— Валерия, я же сказала, всё нормально. Занимайся учёбой, обо мне не переживай. Химия даёт свой эффект, но я справляюсь. Приедешь на Новый год, как и планировала. Думаю, к этому моменту лечение закончится, и я буду огурчиком, — мама смеётся, но морщинка на моём лбу не разглаживается.

Я понимаю, что не имею права злиться на неё. Но… зачем она отправила меня сюда, когда сама там, одна? Это оказалось сложнее, чем я представляла…

Когда я прощаюсь с мамой, то торможу у лестницы на четвёртый этаж и открываю мессенджер. Вика была в сети час назад, а написала я ей ещё вчера. Сообщение даже не прочитано. И перезвонить она мне обещала ещё три дня назад, так как была очень занята, но…

Вздохнув, убираю телефон в задний карман джинсов и делаю шаг к лестнице. Но меня внезапно хватают за локоть и дёргают в сторону, в тёмную нишу под лестницей.

И я бы могла подумать, что это дежавю, что снова Майя хочет удивить меня какой-то новостью.

Только вот я сразу чувствую ледяной запах, размер горячей ладони сквозь свитер, и воздух разом покидает мои лёгкие.

Конечно, завтра же пятница.

Глава 11

Моя спина врезается в бетонную стену, что вырывает из моего горла вскрик, который тут же хамски запечатывается большой ладонью.

— Не ори, — полушёпот бьёт в лицо, низкий, раздражённый, в полумраке серые глаза хищно сверкают.

Тело Северова нависает надо мной монолитной стеной. Одной рукой он закрывает мой рот, второй упирается в стену рядом с моей головой, как будто хочет…

Резко отворачиваюсь и лихорадочно отталкиваю его руку от себя. Стоять в считанных сантиметрах от него и дышать одним воздухом на квадратный метр спустя неделю тишины, как вернуться туда, где ступни обжигает пекло – в Ад.

— С ума сошёл?! — шепчу я, кое-как находя воздух ртом. — Если у тебя проблемы с определением личного пространства, я тут ни при чём. Кто дал тебе право меня куда-то утаскивать и затыкать?! Я опаздываю на лекцию!.. Уйди!

Конечно, с места он не сдвигается. Лишь приподнимает бровь, когда лицо снова приобретает сходство с камнем. Честное слово, в темноте его лицо по-настоящему выглядит жутко и не по-человечески.

— С каких пор занудные отличницы стали опаздывать на занятия? Не отвечай, мне плевать. Завтра в восемь. Ты должна стоять на месте. В нормальном виде. Без своих косичек,

— кивает на мои два «дракончика», — и этого выражения лица, которое всем рассказывает, какая невкусная каша была у тебя на завтрак.

Я хмурю лоб, скрещивая руки на груди.

— Тебе не кажется, что твои запросы выходят за рамки «взаимовыгодная помощь»? И нормальный у меня вид. В полотенце не появлюсь, не беспокойся.

— Не кажется. Потому что это не взаимовыгодная помощь, а расплата за свою тупость. В твоём случае – прийти на вечеринку в мой дом, остаться в моём доме на ночь, гулять по моему дому голышом. Моя – не вышвырнуть тебя на улицу сразу, как только увидел.

Задохнувшись, смотрю на него во все глаза.

— Я не гуляла по твоему дому голышом! На мне было бельё. И полотенце…

— Неужели? — насмешливо кидает.

Сглатываю и киваю.

— Да… и ты представить не можешь, как я жалею, что обстоятельства вынудили меня прийти, остаться и так далее. Будь у меня выбор, я бы выбрала всё что угодно, только не связанное с тобой.

— Аналогично.

Северов опускает брови на веки. Я раздражаю его, очень сильно раздражаю. Достаёт что-то из своего кармана. Это что-то появляется прямо перед моим носом. Золотая пластиковая карта.

— Купишь себе что-нибудь приличное, чтобы не навлечь на себя ещё больше бед, — с каждым его словом, сказанным жёстко и мрачно, мне всё больше хочется… наперекор инстинкту самосохранения и принципам применить насилие. — Что-нибудь белое. Всё, что от тебя требуется, это быть в белом, но не вороной.

Сжав губы, смотрю на карту, на лицо Королевича, на карту, на лицо Королевича… а потом делаю что-то похожее на оскал. Но я здесь ни при чём, это всё Он, я так даже не умею. Не умела.

— Как плохо, родители не научили тебя не трясти своими деньгами налево и направо, Северов, — чеканю, наблюдая, как его взгляд темнеет. — Я не возьму твою карточку. Справлюсь как-нибудь сама. Если тебе не нравится моя одежда и я в целом — можешь найти себе другую пару. Я не собираюсь изображать богатую наследницу перед твоей дорогой элитой.

Кай сжимают челюсти так, что желваки на его щеках движутся. Он медленно опускает руку. А я решаю быстро перевести тему, потому что чувствую, я играю с огнём, и он прямо сейчас может сжечь всё вокруг вместе со мной.

— Кхм… хорошо, с внешним видом решили, — задираю подбородок, чтобы его фигура и взгляд давили не так сильно. — Но что ты скажешь мне насчёт своего родства с Марсом? Об этой существенной детали я узнала относительно недавно. И я думаю о правдоподобности. Как ты собираешь-

ся представлять меня своей девушкой? В университете ты на меня даже не смотришь. Любой здравомыслящий человек поймёт, что это дешёвый спектакль. А что, если вмешается Марс? Он-то прекрасно знает, как ты ко мне относишься и что между нами ничего нет и быть не может.

В этот момент мы оба слышим звонкий голос Дианы Малышевой и её подружек. И если пройти справа-налево, то можно хорошо рассмотреть, что под лестницей кто-то есть. А если учесть, что своего парня Диана наверняка может узнать и со спины, она сразу поймёт, что это он с кем-то ведёт беседу тет-а-тет.

Распахиваю глаза, смотря на бесстрастное лицо Кая, и он резко сдвигает нас в самый угол. Практически впечатываясь грудью в мой нос. Поворачивает голову вбок, прислушиваясь. А я несмело поднимаю взгляд на его сосредоточенный профиль. Всего в нескольких сантиметрах от меня.

— Представляешь?! Этот лох думает, что его новая бэха и этот веник что-то решил. Я ему сразу сказала…

С моим сердцем в этот момент творится что-то странное, оно стучит так громко, что я слышу только его. От кончиков пальцев, прижатых к холодной стене, до затылка катится волна тока. Перед глазами на мгновение темнеет, и лёгкие спирает от спазма. Веки тяжелеют, и мне приходится прилагать усилия, чтобы те не закрылись совсем. Нужно что-то сказать, иначе…

— Да, если нас увидят вот так вместе…

— Откуда моему брату знать подробности чужой личной жизни? — вдруг перебивает меня тихий низкий голос, он вдруг звучит прямо около моего уха, отчего я застываю. — Он не может знать, трахаю я тебя в каких-нибудь пустых аудиториях во время перерывов или нет. Для того, чтобы иметь отношения, необязательно иметь на глазах у всех, — я чувствую, как голос перемещается чуть вверх, шевелит своей вибрацией выпавшие волоски из причёски около виска. Холодок. И пекло. — О моей семье переживать не стоит, у Марса кишка тонка и мозгов нет, чтобы иметь своё мнение.

В голове начинает шуметь сильнее. Не знаю, ушли ли те девушки, голос выше шёпота не поднимается. Зато во мне зашкаливает нервное напряжение. То странное мление пропадает за мгновение. Для чего он делает это? Неужели так нравится издеваться? Разве Его Величеству не претит приближаться к грязноглазой заучке? Или это такая пытка?

— Это ужасно, — зажмуриваюсь, пытаясь пройти сквозь стену спиной. — У тебя вообще воображение работает хоть в какую-то другую сторону… более нормальную?

Наконец от отстраняется, и я могу вскинуть на него взгляд. Северов смотрит на меня внимательно. На мои широко распахнутые глаза, губы, через которое рвётся лихорадочное дыхание, сжатые кулаки. Секунда. Две. А потом кидает безэмоционально:

— Завтра в восемь. Позже пришлю СМС с адресом.

Не дожидаясь моего ответа, он резко разворачивается и

уходит вглубь коридора, оставляя меня стоять в леденящей тени под лестницей. Как будто рядом с ледышкой может быть теплее.

Прижимаю дрожащие пальцы к горящим щекам, жадно втягивая в лёгкие воздух, и думаю о том, откуда он возьмёт мой номер, чтобы отправить СМС. Но глупо полагать, что для такого, как Кай Северов, это существенная проблема.

***

Следующий день с самого утра проверяет на стойкость мою нервную систему.

Сначала лекции до обеда, где меня выжимает от бессонной ночи.

Потом на трёхчасовой смене в кофейне, где я путаю заказы, дважды едва не роняю поднос и вообще чувствую себя так, словно в груди натянута струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения.

Мысли со свистом крутятся вокруг предстоящего вечера.

Кай, его такой же неэмпатичный отец, больничный белый дресс-код и роль влюблённой девушки, от которой меня тошнит на физическом уровне.

И я всё думаю, для чего это самому Каю? Почему он не стал отрицать предположения своего отца? При этом, если бы его хотели женить, как бывает в подобного рода богатых семьях, то наверняка подыскали невесту сами, более достойную их голубых кровей.

Интересный факт, прозвучавший на лекции по истории:

Северовы действительно имеют аристократические корни, их генеалогическое древо уходит прямиком к знати Царской России, переплетаясь с немецкими графами.

Усилило ли это нервозность, текущую по моим венам на протяжении последних дней? Безусловно.

Так вот. Остаётся один вариант. Семья Кая требует от него серьёзности, но он этого, конечно, предоставить не может в силу своей… распространённой среди мужчин натуры.

И чтобы не подвергать риску свои свободные отношения с Дианой и ещё с кем бы то ни было, он решил привлечь ту, кому на него, по большому счёту, плевать. Ведь так?

Наверняка именно этот критерий стал для него решающим. Ведь неизвестно, что успеет придумать себе другая девушка, приведи он её знакомиться со своей семьёй. А со мной всё кристально ясно. Мне плевать на него. Я не переношу его. И мне нужно его участие в проекте. Я – идеальный кандидат на роль его фальшивой девушки!

До конца смены остаётся полчаса, когда входная дверь кофейни звякает колокольчиком, и в зал вваливается шумная компания студентов.

Я автоматически поднимаю глаза к дверям – и весь мир вокруг замирает дрожащим маревом.

Воздух с силой выбивает из лёгких. Кровь в жилах закипает, а затем превращается в ледяную крошку.

В центре этой компании, громче всех смеясь и вальяжно поправляя чёлку, стоит тот, кого бы я предпочла никогда

больше не видеть.

Высокий, красивый, яркий. Шумный, злой, беспринципный.

Чашка выскальзывает из моих онемевших пальцев и с треском разлетается на мелкие осколки, ударившись о пол.

Очнувшись, я резко сажусь на колени за барной стойкой к поломке как раз тогда, когда взгляды посетителей обращаются в мою сторону. Меня это спасает, ведь теперь я вне зоны видимости.

Сердце стучит с перебоями, и руки трясутся.

Этого не может быть. Что он здесь делает?! И даже если он тоже теперь учиться в этом городе, каковы вообще шансы встретить его именно в этом кафе? Неужели он тоже учится в моём университете?

Внутри поднимается тошнотворная муть из липкого страха, брезгливости и раскалённой злости. Как же я зла на себя. Больше всего на себя. Неужели это я должна бояться встретиться с ним глазами? И должна опускать взгляд? Почему чувствую себя так, словно это я сделала что-то ужасное? Ведь всё было наоборот.

За стойку заглядывает Марина, вторая официантка.

— Лер, ты жива? Не порезалась? — она тревожно смотрит на моё побелевшее лицо и трясущиеся пальцы.

— Н-нет… всё в порядке, — выдавливаю я, даже не пытаясь подняться.

Марина переводит взгляд на шумную компанию у входа,

затем снова на меня и с облегчением выдыхает, списывая мой вид на банальную усталость.

— Так, Лер, всё. Забей на эти осколки, я сама соберу. Беги в раздевалку и дуй домой. Ты сегодня бледнее мешка с мукой. До конца смены всё равно полчаса осталось, я прикрою.

— Спасибо, — едва слышно шепчу я, кивая.

Не выпрямляя спину, я выскальзываю в служебный коридор и захлопываю дверь раздевалки. Сдираю с себя фартук, лихорадочно переодеваюсь, прислушиваясь к каждому шороху за дверью.

Надеюсь, это просто нелепое совпадение. И я вижу его здесь в первый и в последний раз…

Глава 12

В нашу комнату я захожу на последних нервных клетках. Но как хорошо, когда рядом существует такой человек, как Майя. Способная развеять даже самые тёмные тучи.

Подруга встречает меня в состоянии возбуждения, кружась по пятнадцати квадратным метрам с сантиметровой лентой наперевес.

— О, явилась! Быстрее, у нас в запасе ровно час! — тараторит она, затаскивая меня внутрь за рукав. — Лер, ты вообще понимаешь масштабы бедствия?! Ты идёшь на вечеринку семьи самого Северова! Это же готовый сценарий для остросюжетной мелодрамы. Хотя затея, признаться, дурная. Если ты сегодня совершишь хоть малейшую оплошность, тебе крышка. Теперь точно.

— Очень вдохновляет, спасибо за веру в меня, — фыркаю я, падая на стул перед зеркалом и пытаясь унять колотящийся пульс.

— А ты не планируешь в процессе случайно открыть его папаше глаза на то, как их мальчик ведёт себя в универе? — Майя лукаво подмигивает мне через стекло.

— Обязательно, — бурчу я, хотя губы сами собой расползаются в заговорщической улыбке. — Начну прямо с приветственного бокала. Расскажу его отцу, что его драгоценный сынок – ходячий круг Ада, а потом пройдусь по остальным

родственникам. С подробностями.

Майя заливается звонким смехом, и эта лёгкость совсем разряжает тугую пружину, которая стягивала мне грудь весь день.

Начинается безумие под названием «собери глупую-глупую Леру на заклание». Так и есть. В этот момент я чувствую себя бедной овечкой, которую готовят к обряду жертвоприношения.

Майя колдует над моими волосами, собирая их в небрежную, но элегантную причёску, делает лёгкий макияж, а затем с видом триумфатора извлекает из чехла главное оружие. Для меня. И для Его величества. Ведь он точно не ожидает, что без его денег я смогу выглядеть… так.

— Вуаля! Труды моей бессонной ночи! — презентует Майя, а потом виновато потупляет взгляд. —И моё извинение за… ту ночь.

Платье волшебное. Снежно-белое, на тонких бретелях и простое сверху, но… подол до колен украшен чёрными невесомыми перьями, которые забавно покачиваются при каждом движении.

Дресс-код соблюдён. Выглядит это дерзко и дорого. Только теперь я не уверена, что подхожу этому платью.

— Майя… ты гений. Спасибо, — шепчу я с улыбкой, разглядывая себя в зеркало. Такой я себя ещё не видела. Такой красивой. Утончённой. Модной. Яркой.

Уже перед самым выходом Майя суёт мне в руки белые

туфли на высокой шпильке.

— Еле достала. И даже не думай, что у тебя есть какие-то другие варианты!

Мне остаётся только состроить мученическое выражение, а после вместиться в 36 со своим 37.

Вспоминаю ещё об одной детали и ковыляю до тумбы у кровати.

Достаю маленькую шкатулку, а оттуда – тонкую серебряную цепочку с маленьким кулоном.

Майя видит это и поднимает брови.

— Ты серьёзно наденешь с этим божественным платьем… пингвина?!

Я спокойно застёгиваю замочек. Маленький милый пингвин уютно устраивается прямо в ямочке между ключицами.

— Это мой счастливый талисман, — непреклонно отвечаю. — Он со мной с третьего класса, сдавал со мной все экзамены и всегда приносил удачу. А сегодня она мне понадобится как никогда. К тому же, пингвины классные, я их люблю. И точка!

Майя закатывает глаза и обречённо вздыхает, но спорить больше не пытается. Спорить со мной нужны силы, а у нас обеих их не осталось.

***

Такси тормозит у нужного адреса ровно в восемь.

Но выйти из машины сразу не могу. Нервозность вернулась с двойной силой. А ещё я замираю, когда вижу само

здание.

«Эверест». Пятизвёздочный отель-небоскрёб в самом центре столицы, залитый слепящим светом прожекторов, которые бьют прямо в вечернее небо. От одного вида этих каменных исполинских стен и света становится не по себе.

Догадываюсь, и это принадлежит Северовым.

Вздрагиваю, когда на телефон падает сообщение. Достаю из маленькой сумочки, тоже Майи, и открываю.

+7909…

«Жду у главного входа. Если через 30 секунд ты не будешь стоять передо мной, исход тебе не понравится»

Я поднимаю глаза в потолок салона под терпеливый вздох таксиста, и сама тяжело вздыхаю.

Кажется, его слова не вызывают во мне прежних опасений. Лишь злость и удивление. Как неожиданно, что в принципе решил меня встретить. Аристократические гены вспомнили, что они есть?

Кажется, я уже начинаю привыкать к его угрозам. Только надеюсь, это не симптом выработки какого-нибудь нехорошего синдрома.

Пряча телефон обратно в сумку, я, наконец, выхожу из машины. Расправляю плечи, запахиваю пальто покрепче и начинаю осторожно на каблуках двигаться в сторону здания, около которого… очень много народа в нарядных одеждах. Журналисты? Только не говорите мне, что все они пожаловали на вечеринку.

Мой шаг сбивается, когда мой взгляд зацепляет сначала тёмные уложенные волосы на знакомой голове, кипенно-белый пиджак на широких плечах, такая же рубашка, угольно-чёрная бабочка и в цвет брюки, вытягивающие мужские ноги до неприличия.

Он говорит с какой-то дамой. На его лице вежливая улыбка.

Улыбка…

Вот он серьёзно, даже внимательно кивает, что-то отвечая. Пышная дама в годах и в бриллиантах смеётся. И он, снова с улыбкой, хоть и холодной, целует её руку. Как будто он джентльмен.

Джентльмен…

Всё это настолько не вяжется с привычным образом Его Ледяного Величества, что я перестаю дышать. И просто не верю глазам.

В моей уставшей голове вдруг неуместно вспыхивает сравнение. Он сейчас так похож на пингвина на моей шее в своём образе. На моего любимого пингвина…

Эта глупая мысль заставляет меня хихикнуть. Напряжение внутри на миг даёт трещину.

В этот момент Кай поворачивает голову, и наши взгляды встречаются. Улыбка сползает с моего лица. Он снова поймал меня на разглядывании. Но не это меня выбивает, а то, как он начинает скользить по мне своим ледяным взглядом.

Цепляет локоны у лица, торчащие перья из-под пальто, го-

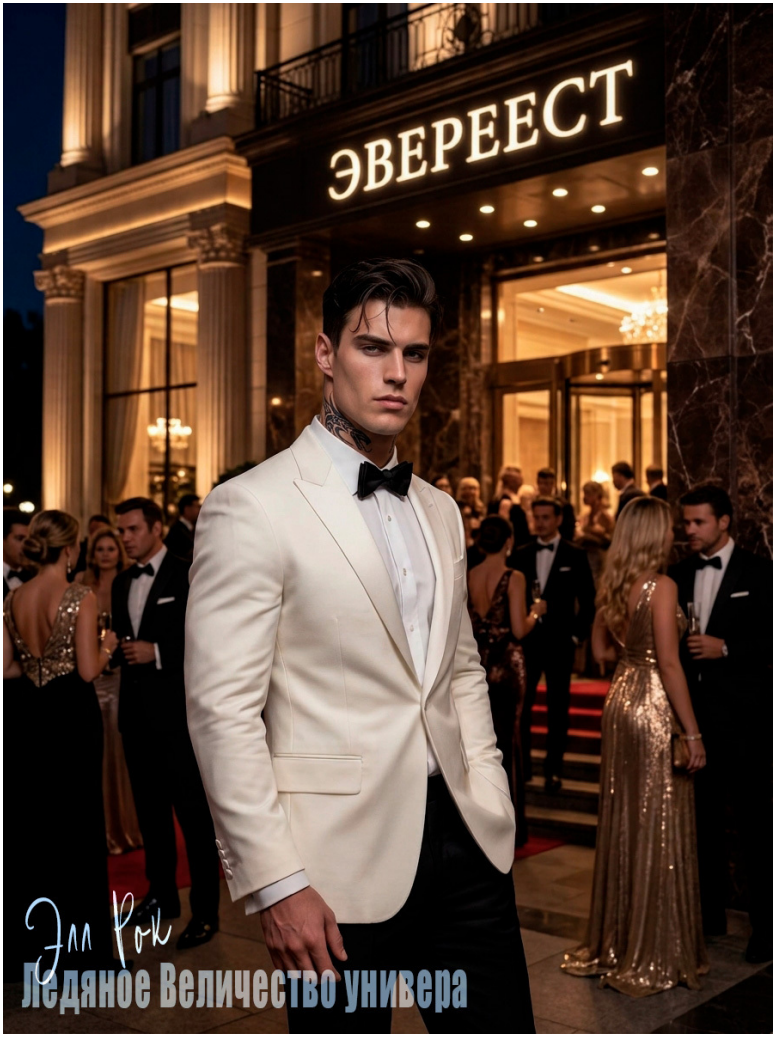
лые колени, покрытые мурашками, белые туфли. Мои немигающие обведённые глаза.

И видя в его взгляде проблеск недовольства, мрачности, я встряхиваю себя. Оказывается, я всё это время стояла и не шевелилась. Как это смотрелось?

Вздёргиваю подбородок, отвожу взгляд куда угодно, только с него, и успеваю сделать шаг, как…

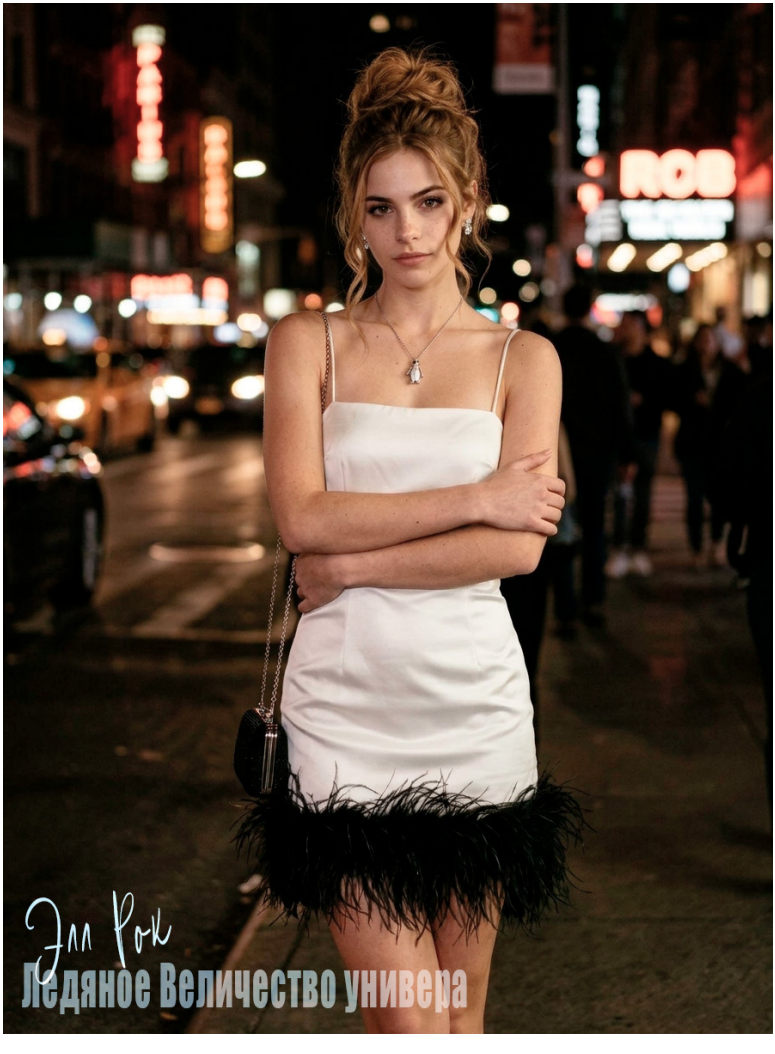
— Лера? — раздаётся сбоку удивлённый голос. А через секунду перед моим лицом вырастает Марс, обхватывая меня за локоть. В полностью белом костюме.

Слишком рано произошло то, чего я мечтала избежать.

Элл Рок

Ледяное Величество универа

Элл Рок

Ледяное Величество универа

Глава 13

— Вот это сюрприз! Ты что здесь делаешь? Тоже пришла на день рождения моей бабушки? — на лице Марса застывает выражение искреннего недоумевания с примесью такой же искренней радости. Хоть кто-то рад меня здесь видеть.

И… хоть кто-то сказал мне, по какому поводу мы все здесь собрались. День рождения бабушки, значит. Спасибо.

— А, да… так и есть. Представляешь, я сама всё ещё не могу в это поверить, — улыбаюсь, ощущая, как пощипывает щёки от жара волнения.

Марс выглядит потрясающе, даже в своём состоянии я не могу это не отметить. Я не говорила с ним с той вечеринки, хоть и видела в стенах университета. Марс же в свою очередь меня не замечал в мешанине из студентов. Я думала о том, чтобы подойти и самой поздороваться, но решиться всё никак не могла.

И вот он здесь, в такой неподходящий момент, когда мне придётся объясниться, а я ощущаю себя так, словно он поймал меня на месте преступления. Ей-богу, лучше бы это было так, чем…

— Хватать девушку и удерживать, когда она ещё не успела поприветствовать *своего*кавалера – дурной тон, братец. Ты так не считаешь? — раздаётся глубокий тихий голос за его спиной, а через секунду со мной становится массивное тело

и властно прижимает рукой за талию к своему боку.

Я давлюсь вздохом от такой наглости, но предусмотрительно не шевелюсь первые несколько секунд, давая Марсу сделать свои выводы. И не передать словами, как в этот момент мне жаль, что всё происходит таким образом.

Пока меня окутывает ледяной запах, тепло чужого тела сквозь ткани одежд проникают ближе к моей коже, и она покрывается мурашками, его пальцы вдавливаются в мою талию…

Пока Его Величество с холодной маской непробиваемого превосходства смотрит на своего брата, возвышаясь надо мной как Бруклинский мост над маленьким камушком, тонущем в водной массе…

Марс переводит удивлённый взгляд с меня на Кая, и я вижу, как закручивается в его карих глазах смерч понимания.

— Дурной тон? — усмехается с тихой злостью в итоге, отходя на шаг. — Забавно слышать такое от тебя, Кай. Ты-то явно не ограничиваешь себя рамками приличий с кем бы то ни было.

Кай опускает брови на веки, и хоть лицо остаётся непроницаемым и холодным, его пальцы у меня на талии стискивают ткань пальто. Я должна дышать, должна. Хоть на сантиметр отстраниться. Но всё ещё не могу.

— Я – это я, и тебе не стоит брать с меня пример. Тебе не к лицу *моё*. Не вывозишь и выглядишь глупо.

Это самое отвратительное – наблюдать, как один чело-

век подавляет другого. И хоть Марс далеко не выглядит слабым, Северов-который-Кай обладает какой-то нечеловеческой способностью одним взглядом и словом вогнать другого человека в «голое» состояние.

Марс волком смотрит на Кая, на время теряется, пока тот спокоен и бездушен как ледники Арктики.

— Проблема в том, что ты считаешь своим всё, — больше эмоций, которые обличают какое-то внутренне бессилие. — Для чего ты привёл сюда Леру? Поиздеваться? Ты же знаешь, что…

— Тебя это не касается, — в тоне Кая же становится больше льда, раздражения. — Ещё один совет: научись вовремя закрывать свой рот, и тогда, возможно, жизнь не будет к тебе так несправедлива.

Хватит! Боже…

Резко отстраняюсь от Его Величества, он не препятствует, и натягиваю нервную улыбку, смотря на Марса.

— Так у вашей бабушки сегодня день рождения? И сколько ей исполнилось? Ты отлично выглядишь!

— 70, и спасибо, что заметила, — отвечает за него стальным голосом Кай и, засунув руки в карманы брюк, кивает с издевательской учтивостью своему брату. — Сегодня у меня особенно обострено чувство такта. Поэтому, прошу простить нас, дорогой брат, но мы вынуждены тебя прямо сейчас оставить с моей девушкой. Моя девушка, — обращаясь ко мне, дёргает головой в сторону входа, намекая двигаться.

Всего один вечер. Всего один мне нужно глотать ярость и его поведение. Я смогу.

Смотрю на Марса сожалеюще и делаю несколько шагов в сопровождении чудовища, как Марс кидает мне в спину:

— Лера, не ведись, как все. Будь с ним осторожна.

Застываю на миг, а потом продолжаю движение, скинув оцепенение. Я и не собиралась, Марс, не беспокойся. Не на что там вестись.

За массивными стеклянными дверями отеля журналистов, к моему огромному облегчению, не оказывается. Охрана отсекает прессу еще на улице. Это радует. Страшно подумать, что было бы, появись моя фотография где-нибудь на просторах интернета.

Дыхание перехватывает, когда мы входим внутрь, и я могу рассмотреть обстановку.

Перед взглядом царство сверкающего мрамора, хрусталя и позолоты. Огромные люстры льют с потолка мягкий свет, отражаясь в зеркальных колоннах.

Гости ручьями затекают в банкетный зал, двустворчатые двери которого открыты настежь. Такое ощущение, что отель перестал функционировать по своему прямому назначению и сегодня стоит лишь из-за одного события.

Обилие белого и блеска бриллиантов почти ослепляет. Тихий звон бокалов, бархатный смех, приглушённая оркестровая музыка, доносящиеся издалека.

Я замираю у гардеробной, врастая шпильками в пол, ощу-

щая себя здесь инородным телом. Как будто меня случайно забросили в чужую сказку, где мне не место. Так и есть.

— Понимаю, непривычно, — усмехается Кай, становясь сбоку и осматривая зал вместе со мной. — И даже могу провести для тебя экскурсию, если будешь вести себя хорошо.

Я резко выпрямляюсь, отгоняя накатывающую панику и растерянность. Нужно собраться, чтобы не выглядеть среди всех этих дам и джентльменов Маугли, вылезшей из джунглей.

— Спасибо, обойдусь.

— Как хочешь, — бесцветно кидает Кай.

К нам подходит швейцар, чтобы забрать верхнюю одежду, и я спешу скинуть с себя пальто.

— Благодарю, — улыбаюсь мужчине и, вдыхая поглубже, разглаживаю на себе платье, поправляю цепочку от сумочки на плече.

И медленно поднимаю голову, когда ощущаю на себе взгляд ледяных глаз.

Кай стоит вполоборота и изучает меня. Медленно. Тяжело. Его взгляд проходит по голым плечам, скользит по животу, вниз, до чёрных перьев на подоле и ниже, замирает на обнаженных коленях.

Почему-то я перестаю дышать. От такого откровенного разглядывания. Кожа затягивается мурашками, щёки обдаёт кипятком. Наверное, меня ещё никогда так открыто не рассматривали. Слишком по-мужски. И никогда сам взгляд не

могла расценить как подтверждение того, что выгляжу я хорошо. Он ничего не говорит и вряд ли скажет, но это дарит именно такое ощущение. Я чувствую себя привлекательной девушкой.

Но через секунду зрачки парня едут вверх. Прямо к ямочке между ключицами, в которой покоится милый пингвин.

Бровь Северова медленно, скептически ползёт вверх, а уголок губ дёргается в издевательской усмешке.

— Это что за детская безделушка?

Вся моя неловкость улетучивается. На смену ей приходит заземляющее раздражение.

— Если твоя эрудиция ограничивается первоклассными издёвками и длиной женских юбок, поясняю: пингвин, из семейства нелетающих морских птиц, — чеканю, вскидывая подбородок. — Он приносит удачу. А учитывая то, с кем я, сегодня она мне понадобится в трёхкратном размере.

Кай ещё секунду смотрит на меня своим непроницаемым пустым взглядом, вроде бы снова пытаясь сжечь или заморозить глазами, а после небрежным жестом указывает мне головой на двери зала.

— Прибереги своё красноречие для кого-то другого. Со мной лучше молчи, так у тебя будет больше шансов меня не раздражать и получить своё «отлично».

Сжав губы, отвожу взгляд. Господи, помоги мне. Не убить сегодня. И самой вернуться в общежитие живой и невредимой.

Мы заходим в банкетный зал. И праздник поражает масштабом не меньше отеля в целом. Десятки круглых столов, утопающих в белых скатертях, официанты с серебряными подносами, беспрерывно лавирующие в толпе, и гул десятков голосов.

Здесь слишком много людей. Слишком много тех, кого на улице просто так не встретишь. Это пугает.

Неожиданно передо мной появляется локоть, протянутый Каем.

— Положи свою руку сюда, Грязноглазая. И постарайся изобразить, будто хочешь *меня*, а не сбежать.

Сглатываю вязкую слюну и аккуратно, кончиками пальцев, вцепляюсь в дорогую ткань его белоснежного пиджака.

Северов легонько дёргает меня на себя, и наши плечи соприкасаются. От этого шевеление волнения под кожей ощущается не так отчётливо. Вдруг становится на пару градусов теплее, когда его тело кажется монолитной стеной, прикрывающей меня от… просто прикрывающей. Словно мне уже не так страшно. Но это ведь ерунда? Такого не может быть? Просто он единственный здесь, кого я хоть немного знаю.

Мы движемся вглубь зала. И кажется, словно наша пара на витрине. Все смотрят на нас. Удивлённо. Заинтересованно. Ревностно. Насмешливо. Изображать, что не хочу сбежать, уж очень сложно.

Профессионально не обращая на все эти взгляды внимания, Кай ведёт нас к центру зала, где стоит группа людей.

Одного из них я узнаю сразу – отец Кая. Но не составляет труда понять, кто из них ещё с ним связан.

Внутри всё замирает.

Если раньше я думала, что Снежная Королева данной истории – это отец Кая, то я ошиблась.

Настоящая Снежная Королева прямо по курсу. Похоже, это и есть бабушка Кая. Но язык не поворачивается назвать её старой, несмотря на семидесятилетний юбилей. Высокая, стройная, с царственной осанкой и идеально уложенными серебристо-белыми волосами. На ней платиновое платье в пол, а на шее сверкает колье, стоящее, вероятно, как ещё один отель. Но хуже всего её взгляд. Прозрачно-голубой, леденящий и пронзительный, как арктический ветер.

И они с Каем очень похожи особенно в этом. Хотя нет. На фоне этой женщины Северов выглядит почти примером дружелюбия и тепла.

Когда мы подходим, отец Кая тихо произносит:

— Вот и они…

Ну вот и всё. Нас ждали. Меня и Кая. Назад пути нет.

Северов делает шаг вперёд, приобнимает женщину и чуть касается губами её щеки. В этот момент он похож на робота больше чем обычно.

— С днём рождения, бабушка.

На тонких губах женщины мельком проскальзывает улыбка, а в глазах на долю секунды вспыхивает тепло, которое тут же тухнет, и радужку снова затягивает льдом.

— Здравствуй, Кай. Ты почти не опоздал, это радует.

Он кивает и, положив ладонь на мою поясницу, слегка подвигает меня вперёд. И только сейчас взгляд женщины впивается в меня иглами.

— А это та девушка, которая посмела растопить сердце твоего внука – Валерия. Моя бабушка – Снежана Рудольфовна.

Снежана Рудольфовна? Это не шутка? Их всех правда так зовут?

Пропуская мимо ушей ещё одну его шутку насчёт растопленного сердца, стараюсь прийти в себя.

— З-здравствуйте, Снежана Рудольфовна, — выдавливаю улыбку, чувствуя, как голос начинает предательски дребезжать. — Приятно познакомиться. Поздравляю вас с днём рождения, вы очень красивая.

Женщина не отвечает сразу. Она медленно опускает глаза на меня, сканируя с головы до ног придирчивым взглядом. Он проходится по перьям на моем подоле, по белым туфлям, а после застревает на пингвине, как и у её внука несколькими минутами ранее.

— Валерия… — протягивает она задумчиво, приподнимая бровь. — Весьма… интересный выбор наряда. Откуда вы? Кто ваши родители?

Воздух в радиусе трёх метров словно замерзает. Эти же вопросы задавал отец Кая при первой встрече. И, если собираясь сюда, я думала, что мне плевать как я выгляжу и что

не подхожу их обществу, я не собираюсь врать или что-то в этом роде, то с вопросом этой женщины и её оценивающим взглядом слова застревают у меня в горле. Отец Кая так же внимательно, с любопытством препарирующего наблюдает за моим растерянным лицом.

Но помощь приходит оттуда, откуда я не ждала.

— Лера приличная и умная девушка. Меня всё устраивает. Разве это не главное, что должно интересовать тебя, бабушка? — голос Кая звучит со стальной ровностью, а вот фигура мне его снова кажется стеной. Неосознанно сжимаю его руку, пока перевариваю услышанное. Приличная? Умная? Это правда говорит он, обо мне? — Лучше скажи, как продвигаются согласования по новому комплексу на набережной? Отец говорил, там заминка с разрешением. Я могу посодействовать, если нужно.

— Ты прав, сложности есть. Митя распорядится, чтобы Рита выслала тебе документацию, ознакомишься, — довольная собранностью внука, женщина приподнимает уголок губ в улыбке, после чего отпивает шампанское.

Меня не особенно удивляет, что такие люди на таком торжестве могут говорить о делах. Удивляет другое. Мне ведь не кажется, и с Каем на самом деле обсуждают бизнес так, словно он отлично в нём плавает и с его мнением считаются?

Они продолжают какое-то время, и образ разгульного избалованного мажора в моей голове постепенно теряет свою чёткость. Я наблюдаю за тем, как держится Кай, как он го-

ворит, как остро уверенно смотрит, и при всём уважении к бабушке, в каких-то моментах её поправляет, если считает нужным. С отцом дела обстоят иначе. Они больше похожи на соперников, и Митрий Вольфович не даёт спуску своему отпрыску. Но Каю это и не нужно, он не уступает ни в чём.

Я всё больше понимаю, что Он совсем не такой, каким показался мне изначально.

Он чертовски умный. Умеет держать себя в руках. Умеет отстаивать своё мнение. Имеет его, прежде всего.

Мне даже приходится встряхнуть себя и перестать восхищаться человеком, который этого не заслуживает. Всё это не отменяет того факта, что он ужасный человек, который получает удовольствие от страдания других. Беспринципный тиран. Бессердечный и…

Оторвав взгляд от его профиля, я натыкаюсь на цепкий Снежаны Рудольфовны. Она приподнимает бровь, а вместе с тем – уголок губ.

— Признаюсь, сначала я не поверила в твои отношения с этой девушкой, Кай. Но теперь вижу, что ошибалась. И очень этому рада.

Моё сердце падает куда-то вниз. О чём она говорит?

Северов косится в мою сторону. Но увидев, как сверкнули мои глаза при взгляде на него, чуть заметно усмехается и отворачивается.

А я понимаю следующее в эту самую секунду. Его рука покоится на моём голом плече, и пальцы невесомо поглажи-

вают её вверх-вниз. Всё это время я ощущала что-то приятное и успокаивающее, но в водовороте чувств не предавала этому большого значения. Так значит…

От осознания этого в живот что-то тяжело ухает, и по телу бегут маленькие змейки тока.

Боже…

Передёргиваю плечами, незаметно скидывая с себя прикосновения, и отодвигаюсь, сдерживая сбитое дыхание. Что он делает? Для чего? И как я могла так привыкнуть к этим ощущениям, что совсем забылась? Просто не верится.

Гости вокруг продолжают суетиться, но к Снежане Рудольфовне никто не подходит близко без приглашения. Все держатся на почтительном расстоянии. Или просто её боятся.

Отец Кая тоже ведёт себя рядом со своей матерью намного сдержанней, нежели в нашу первую встречу.

— Где Леандр? — вдруг резко бросает она, обводя взглядом зал. На её красивом лице проступает недовольство.

Почему-то я думаю, что речь идет о втором её сыне. Ещё одно имя с изюминкой не может принадлежать просто гостю. И не ошибаюсь. Как раз через несколько секунд к нашей компании стремительно приближается небольшого роста мужчина со светлыми зачёсанными назад волосами, а вместе с ним… Марс.

Я напрягаюсь, хочу провалиться сквозь землю, когда они подходят.

Леандр суетливо целует руку женщине и сыпет извинениями за опоздание. Он кажется мягким и на редкость простодушным на фоне всеобщего пафоса.

Марс же выглядит непривычно мрачно, что говорит о его не слишком большом желании здесь находиться. Как же я его понимаю.

Снежана Рудольфовна встречает их ещё более холодно, чем других. На извинения второго сына она лишь едва заметно искривляет губы, а на Марса смотрит как на мимо проходящего чужака.

И мне всё больше становится ясна картина их семейных отношений, где бабушка – это некая верхушка власти и самая уважаемая фигура в семье Северовых, а любовь на детей распределяется неравномерно.

Кай, пользуясь переключившимся вниманием бабушки, утягивает меня в другой конец зала.

— Мы пока отойдём, поприветствуем остальных, — лишь кидает он для приличия причину перед уходом.

Против воли я снова ощущаю к нему благодарность за это, потому что ещё чуть-чуть, и я могла бы сойти с ума от напряжения.

Когда мы отдаляемся от его семьи на несколько шагов, я вытягиваю свою руки из его хватки и тихо говорю:

— Знаешь, глядя на твою бабушку, я начинаю понимать природу твоей душевной теплоты. Почти перестаю тебя осуждать. Генетика – страшная вещь.

Кай даже бровью не ведёт.

— Рад, что твои познания в биологии расширяются. А теперь закрой рот и улыбайся. На нас смотрят.

Его непробиваемый холод снова царапает изнутри. Вокруг и так всё звенит от фальши, а он решил окатить меня новой порцией равнодушия. Хочется выбить из него хоть какую-то живую эмоцию. Я же видела, он умеет нормально разговаривать. Наверное, только тогда, когда видит в этом личную выгоду.

Кай перехватывает у проходящего мимо официанта два бокала с шампанским, суёт один мне в руку, осушает за секунду свой и говорит как бы между прочим, оглядывая зал:

— В целом, держишься сносно. Хоть и тряслась при знакомстве с родственниками, будто пришла на эшафот.

— Во-первых, я не тряслась, а анализировала степень оледенения воздуха, — парирую я, приподнимая подбородок. — А во-вторых, я не пью.

И тут же, понюхав содержимое бокала, несколькими глотками выпиваю кисло-сладкий напиток. Появляется желание покашлять, но я сдерживаю лицо того, кто умеет пить. И пусть это не так.

Пузырьки мгновенно ударяют в голову, приятно кружа её. И я с удивлением отмечаю, что стресс становится лишь фоном, а не основным фокусом.

Кай насмешли

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.